Шляпников
Февральские
дни в
Петербурге
1925
1 экз

НИЛ — Библиотека
ГИ46
Ш728

ГИИБ
Ш728 Р

А. Шляпников

Февральские дни в Петербурге

И-во „Пролетарий“

ГИ46
Ш728 р

9 : 3232 (47) „1917 . 02“

А. ШЛЯПНИКОВ

ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ
В ПЕТЕРБУРГЕ

СССР. ИНСТИТУТ Н. Марксаа Ф. Энгельса ЦИК.
13287

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОЛЕТАРИЙ“
1 9 2 5

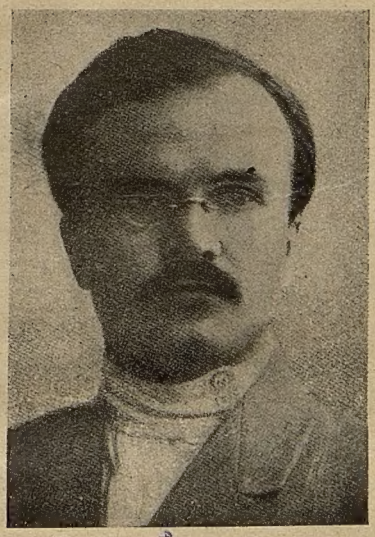
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2006

БИБЛИОТЕКА
Ин-та МАРКСИЗМА - ЛЕНИНИЗМА
при ЦК КПСС
786506

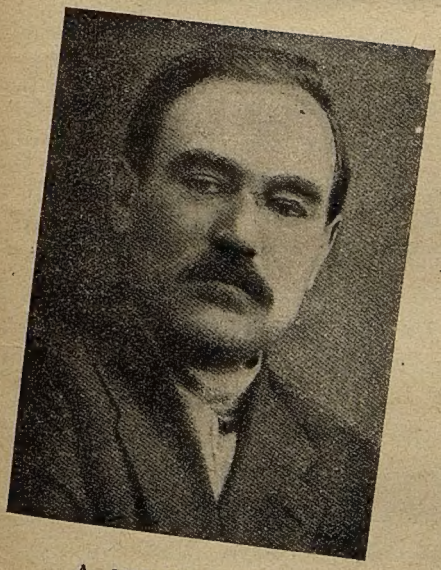
Типо-Цинкография
Кооперативного Издательства
„Пролетарий"

ГИАБ
Ш728 Р

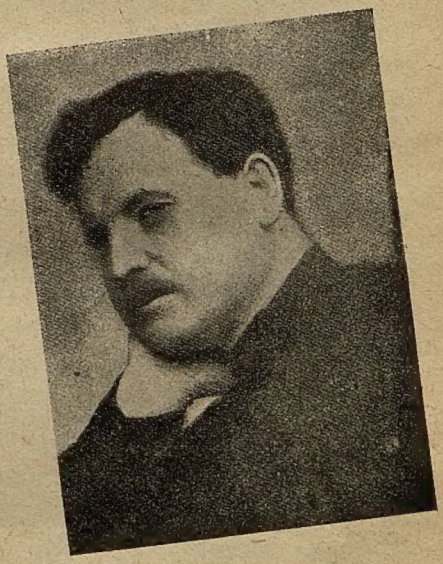
РУП 12.011 Зак. № 442 Тир. 10.000



В. МОЛОТОВ-СКРЯБИН.



А. ШЛЯПНИКОВ.



П. ЗАЛУЦКИЙ.

Члены Бюро Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. (б.).
(В период Февральской революции 1917 г.).

В начале февраля 1916 года, после почти четырехмесячной работы в подполье, мне удалось благополучно выбраться из Петербурга за границу. В конце октября того же 1916 г. мне удалось так же благополучно, хотя и с большими приключениями, вновь приехать в Питер.

Перемена настроений, по сравнению с весенним временем, была огромна. Бедствия войны, рост дороговизны, поражения на фронте и реакция внутри,—все это будоражило наро дны низы, заставляло их задумываться над положением страны и над их собственным положением в стране. Все слои питер ского населения были пропитаны духом оппозиции к царскому правительству.

Настроение рабочих фабрик и заводов Петербургского района было чрезвычайно повышенное. Дороговизна жизни продовольственные затруднения частенько ставили рабочих в тяжелое положение. Принудительный труд, невозможность свободно покинуть предприятие, постоянные угрозы „снятия с учета" и направления на передовые позиции за выражение малейшего недовольства, сверхурочная эксплоатация рабочих и работниц, путем доведения рабочего дня до 12 и более часов в день,—создавали весьма напряженную атмосферу на предприятиях. Частенько мне приходилось слышать от товарищей, работавших на фабриках и заводах, рассказы о том, как иногда нервно отзывались рабочие на всякое резкое явление в мастерских. Достаточно было иногда свиста, некоторого шума, чтобы рабочие приняли его за сигнал к остановке предприятий.

Рабочий Питер дышал борьбой. Конец октября (по старому стилю) 1916 года ознаменовался крупной стачкой протеста против суда над матросами Балтийского флота, арестованными за социал-демократическую работу в войсках. Стачка началась числа 25—26 и продолжалась на некоторых предприятиях до 1 ноября. В этой политической стачке-протесте участвовало свыше 130.000 рабочих. Последствия стачки были весьма

крупные: правительство не посмело применить к матросам смертную казнь, осудив их на каторгу. В то же время стачка вызвала против себя репрессии со стороны Петербургского Общества заводчиков и фабрикантов, а также осуждение со стороны Рабочей Группы Центрального Военно-Промышленного Комитета. Конфликт грозил разрастись, но благодаря вмешательству военных властей, заинтересованных выполнением заказов, был ликвидирован с первых дней ноября.

Эта крупная стачка имела колоссальное воспитательное значение и была первой пробой массовых сил и солидарности за эту осень. В этом движении нашей партии удалось наглядно убедиться в готовности рабочей массы поддержать наши революционные и анти-военные лозунги.

Подготовка к 9 января.

В ноябре и декабре были произведены крупные аресты. Село несколько активных работников подполья. В Новой Деревне была взята нелегальная типография Петербургского Комитета. Технике размножения был нанесен весьма чувствительный удар. Благодаря провокации попытка использования легальной типографии для печатания четвертого номера „Пролетарского Голоса“ не удалась. Смельчаки-печатники, работники Петербургского Комитета, во главе с организатором т. Антиповым, были схвачены в самой типографии за нелегальной работой, так сказать, на месте преступления.

Все силы царского правительства, как явные, так и тайные, были пущены в ход для дезорганизации нашей партийной работы по подготовке к празднованию 9 января. Однако, несмотря на все ухищрения охранки, подготовка к забастовке в день 9 января велась, усилиями заводских и фабричных коллективов, по всем предприятиям. Благодаря провалу техники и неудаче захвата типографии, Петербургский Комитет не смог выпустить обычной листовки с призывом к стачке в день 9 января. Этот пробел все же удалось пополнить развитием усиленной устной пропаганды и агитации.

В первой половине декабря 1916 года, между Бюро Центрального Комитета и Петербургским Комитетом было достигнуто соглашение по вопросу о проведении политической забастовки в день 9 января. Бюро Центрального Комитета, учитывая революционную энергию рабочих Петербурга

предложило Петербургскому Комитету повести агитацию за устройство не только забастовки, но и уличных демонстраций, под нашими революционными и антивоенными лозунгами. Наше предложение Петербургским Комитетом было принято.

Для проведения того же решения Бюро Ц. К. в Москве было поручено выехать мне лично. В Москве также удалось установить полный контакт по вопросу о выступлениях в день 9 января. Москвичи устроили целый ряд совещаний, а также свиданий с некоторыми работниками из районов, на которых мы обсудили не только вопросы, связанные с празднованием 9 января, но также и целый ряд других, как из области организационной, так и тактической.

Другие партийные организации вели подготовительную работу, как нам было тогда известно, только в Питере. Две с.-д. группы подполья: Международный Комитет Р. С.-Д. Р. П. (т. наз. „об'единенцы") и инициативная группа социал-демократов (меньшевиков) выпустили листовки, набранные в типографиях.

Самым обширным и наиболее содержательным листком, родственным нам по своим лозунгам и принципиальной позиции по отношению к войне, был листок „Международники" [1]). Листок же иниц. группы был весьма бледен по содержанию и слаб по лозунгам [2]).

О движении в день 9 января Бюро Ц. К. получило подробное сообщение Петербургского Комитета [3]).

О забастовочном движении и демонстрациях в этот день в Москве мы (т. е. Бюро Ц. К.) получили тогда корреспонденцию из Москвы, которую напечатали в первом номере „Осведомительного Листка". В то время мы занимались изысканием средств на организацию своей „техники" (т.-е. подпольной типографии). В ожидании ее постановки решили издавать „Осведомительный Листок".

В первом номере имеется ряд сообщений о положении дел в организациях [4]).

Об издании листовок эсэрами не было слышно ни в Питере, ни в Москве.

---

[1]) См. отдел „Материалы и документы" (в этом же № „Прол. Рев." № 1).

[2]) Там же, № 2.

[3]) См. отдел „Материалы и документы", № 3.

[4]) Там же, № 4.

День 9 января 1917 года.

Несмотря на все старания полиции и жандармерии обессилить рабочие организации, особенно нашей партии, накануне 9 января, и этим путем сорвать наметившееся движение, размеры забастовки превзошли все ожидания.

На многих заводах и фабриках рабочие, придя в обычный час на работу, организовывали митинги, на которых выступали ораторы с оценкой положения дела в стране и призывали пролетариев к активной борьбе с царским режимом, виновником войны.

Правительственные власти мобилизовали полицейские силы и пытались пресекать „преступные“ сборища рабочих.

На некоторых заводах рабочие после митингов устраивали уличные демонстрации с красными знаменами, пытались проникнуть в центр города, но были разгоняемы конной и пешей полицией.

Девятое января явилось для нас первой пробой сил к уличным демонстрациям. От стачечной борьбы нужно было перейти к революционным массовым действиям на улицах города. Оппозиционное настроение буржуазии и „обывателя“, по существу мелкого буржуа, создавало весьма подходящую атмосферу для революционных выступлений рабочих. Не прекращавшиеся конфликты Гос. Думы с царским правительством также содействовали росту оппозиционных настроений даже у наиболее умеренной части буржуазии. Рабочий класс должен был использовать благоприятный момент для нанесения удара царскому самодержавию. Выступление в день 9 января, хотя и не ознаменовалось всеобщей уличной демонстрацией, тем не менее имело огромное значение, показав пролетариям, какую могучую силу представляли они.

Вокруг Государственной Думы.

Неудачи на фронтах, неурядица и бесхозяйственность в тылу толкали российскую буржуазию на путь оппозиции царскому правительству. Государственная Дума, детище „переворота“ 3 июня 1907 года, всем ходом событий вынуждена была стать во главе буржуазной оппозиции. Оппозиционность российской буржуазии была чрезвычайно своеобразна и умеренна. Это своеобразие заключалось в том, что борьба буржуазии

с правительством носила только словесный характер. Ни одного мероприятия, направленного к обузданию правительства, не было не только проведено, но даже и не ставилось на обсуждение в Думе. Все попытки тогдашней левой части Гос. Думы, в лице социал-дем. фракции меньшевиков и фракции трудовиков, поставить вопросы об ответственности правительства заостренно, вызывали отпор со стороны тогдашней оппозиции в Государственной Думе. За попытки обструкции выступления наиболее *одиозных* министров царя, трудовики и социал-демократы наказывались исключением из заседаний.

Наши партийные организации не были равнодушны к той борьбе, которая происходила между правительством и буржуазией. Мы пользовались всеми материалами, которые давали нам эти столкновения в среде господствующих классов, чтобы показать степень развала царской монархии, ее неспособность управлять страной, а также и ограниченность оппозиции буржуазии, ее постоянные стремления к сделкам с правительством, ее предательское отношение к насущным нуждам народа. Свою линию политической борьбы мы направляли против царского правительства, одновременно клеймя и разоблачая поведение прогрессивного блока, ставшего во главе всей буржуазной оппозиции в Государственной Думе.

В среде организаций социалистического подполья того времени не было единства в оценке буржуазной оппозиции, в частности, в отношении прогрессивного блока Государственной Думы. Все оборонческие элементы из социалистических лагерей, проводивших политику классового мира в нашей стране, выдвинули лозунги поддержки оппозиции Государственной Думы. В декабре по заводам распространялось анонимное воззвание, выпущенное оборонцами из Рабочей Группы Центрального Военно-Промышленного Комитета, в котором рабочие призывались к поддержке Думы и ее лозунгов создания „правительства спасения страны“. Эта попытка либералов использовать силу рабочего класса в целях перемены правящих клик нашла тогда же, со стороны нашей партии, должный отпор [1]).

В январе оборонцы резко изменили свою позицию, приспособив ее по внешности к революционным и антивоенным настроениям того времени. Во второй половине января

[1]) См. об этом II часть книжки „Канун Семнадцатого года“.

1917 года Рабочая Группа Центрального Военно-Промышленного Комитета выпустила воззвание, также без подписи, хотя всем было известно о его фактическом источнике. Воззвание было размножено на пишущей машинке [1]).

Это воззвание Рабочей группы свидетельствовало прежде всего о некотором сдвиге влево. Очевидно, уроки войны и внутренней реакции дали себя знать и в этих кругах ура-патриотизма. Ведь всего лишь несколько месяцев назад Рабочая Группа выступала против стачек, она не вела никакой работы по подготовке выступления 9 января, а тут сразу предложение политической стачки и демонстрации. Мы учли это полевение, как стремление использовать накопившуюся революционную энергию рабочего класса в целях, угодных прогрессивному блоку. И под революционными оборотами воззвания оставалось то же существо: поддержка Государственной Думы. За это воззвание часть членов Рабочей Группы были арестована 26 января.

В Бюро Ц. К., а также и в Петербургском Комитете нашей партии мы обсудили предложение Рабочей Группы. Ввиду того, что практическая часть предложения, как выюоры заводских комитетов, нами проводилась в жизнь, в этой части расхождений у нас не было. Они начинались с того момента, когда оборонцы пытались ограничить, связать движение рабочих масс, их выступление с деятельностью прогрессивного блока Думы.

В противовес лозунгам оборонцев к „Таврическому дворцу"— мы выдвинули революционные демонстрации непосредственно против царизма, на Невский, к Казанскому собору, историческому месту демонстраций. Разница у нас была не только территориальная, но и принципиальная, по существу тех лозунгов, под которыми вели массы к выступлению. Наше отношение к выступлению в день открытия Государственной Думы, для ее поддержки, было формулировано в печатной прокламации Петербургского Комитета, специально выпущенной по этому вопросу [2]).

Давая правильную оценку политики Г. Думы, а также проводникам ее идей в гущу рабочего класса, Петербургский Комитет вносил и свое практическое предложение, отличное

[1]) См. отдел „Материалы и документы", № 5.

[2]) См. отдел „Материалы и документы", № 6.

от лозунгов Рабочей Группы: отметить политической стачкой протеста вторую годовщину ареста нашей фракции в Государственной Думе. Однако, дата была дана неудачно. С 10 февраля начиналась масленица, работы прекращались накануне. Петербургский Комитет дал директиву по районам о переносе стачки с 10 на 13, хотя прокламация и призывала к стачке 10.

Позиция с.-д. „об'единенцев" и меньшевиков.

Несколько отличную от нас позицию заняла и близкая к нам „междурайонка". В начале февраля уже стало определенно известно о дне открытия заседаний Государственной Думы — 14 февраля. „Междурайонный комитет" выпустил по этому поводу отпечатанную на гектографе [1]) резолюцию.

„Междурайонка", как ее называли в подполье, была против выступления в день открытия заседаний Гос. Думы, как видно из резолюции, не только по принципиальному соображению. Характерным является отношение к намечавшемуся движению с точки зрения „организационного" кризиса в рядах Р.С.-Д. Р.П. Об'единенцы рассматривали вопрос об единстве абстрактно, мы же, большевики, стремились найти его на почве революционного действия. Утверждение, что рабочий класс не вполне организован, было верно, но ошибочно был сделан из этого положения вывод о невозможности выступления.

Точно также правильно положение, выдвинутое 3 пунктом резолюции о том, что без присоединения армии к революционному движению последнее обречено на разгром. Но у „Междурайонки" не было никаких оснований утверждать о том, что армия, солдаты, в данный момент (т. е. начало февраля 1917 г.), не окажут поддержки. На опыте осенних выступлений, а также и в день 9 января мы имели случай убедиться в обратном. Мы решительно не соглашались с „об'единенцами" относительно тактики вовлечения солдатской массы в революционную борьбу.

На наших партийных совещаниях мы неоднократно поднимали вопрос о том, какими путями втянуть солдатскую массу Питера в революционное движение. И все сходились на одном: через политические выступления рабочих, путем вынесения

[1]) См. отдел „Материалы и документы", № 7.

нашей борьбы, наших лозунгов на улицы и через нее в солдатские массы. Неверно также и утверждение (пункт 4) о „преждевременности". Этот вопрос не поддавался теоретическому учету.

Близкую к позиции „Междурайонки" заняла инициативная группа, тоже выпустившая листок [1]). Листок инициативной группы правильно характеризовал классовую политику Гос. Думы, враждебную интересам широких народных масс. В части же, указывающей на необходимость учитывать настроения рабочих масс и их готовность к решительной борьбе, а также в заключительных выводах о „собирании сил" и т. п., инициативная группа недооценивала именно создавшуюся в стране и в самом Питере революционную ситуацию, а в рабочих массах революционное настроение. Эта неправильная оценка показывала нам, что руководители группы слишком оторвались от пролетарской действительности. Оборонческая Рабочая группа при Центр. Военно-Пром. Комитете была ближе к массам и правильной оценке положения. Беда ее была лишь в том, что по своим политическим действиям эта группа являлась прямым проводником идей либеральной буржуазии, умело приспособляла их к условиям рабочей борьбы. Поэтому мы не противодействовали их решениям и работе по вовлечению масс в активную борьбу, но решительно боролись с теми лозунгами, требованиями и намерениями, которые подводили под это движение. И мы не только боролись, опровергая их, но выдвигали, противопоставляли им требования революционной борьбы, свержения царизма и для этой цели призывали массы не к Думе, а на Невский, как центру уличной борьбы.

10—14 февраля.

Из предыдущей главы видно, какое разнообразие мнений было в подпольных организациях по вопросам выступления в ближайшие дни. Однако, несмотря на эту разноголосицу, Питер, даже обывательский Питер насторожился в ожидании крупных событий. Во всех местах скопления людей, в лавках, трамваях, в очередях, в театрах и т. д. говорили о предполагаемом хождении к Государственной Думе, о требованиях замены правительства.

[1]) См. отдел „Материалы и документы", № 8.

Благодаря существовавшему разномыслию, движение фактически растянулось с 10, выбросив два основные дня масленицы, проявилось частично 13, 14 и кое-где выступления имели место еще 15 февраля. Всего бастовало в эти дни свыше 80.000 рабочих.

Во вторник, 14 февраля, соблюдая некоторую конспирацию, я ходил к Таврическому дворцу, чтобы видеть, как оборонцы поведут „один завод за другим“ на поклонение Родзянко, Милюкову, Гучкову. Долго прождал я в районе Таврического дворца, прогуливаясь под ручку с одной из работавших при Бюро Ц. К. девиц. Улицы были пустынны. Полиции не было видно, очевидно была умело размещена. Лишь редкие кучки любопытных, особенно домовая прислуга, дворники, толпились около ворот своих домов, всматриваясь в глубины улиц, ведущих к Таврическому дворцу. Рабочие к Думе не пошли. Но не пошли они также и на Невский, куда призывали их наши работники, члены партии. Оба эти факта нужно было учесть. Оборонцы учли это не как свое поражение, нежелание пролетариев идти под либеральными знаменами, а как результат „дезорганизаторской“ деятельности большевиков.

Мы же рассматривали нехождение массы на Невский, не как расхождение с нами, не как неприятие ими наших лозунгов и решений о революционных демонстрациях, а как результат недостаточной продуманности и подготовки к такому крупному делу.

Оборонцы, как думские (Керенский, Чхеидзе), так и внедумские, были разочарованы результатами выступления в день 14 февраля, в день открытия заседаний Государственной Думы. От разочарований они перешли к поискам виновников их неудачи. И хотя мы не высказывались нигде против самого выступления, разоблачали же только лозунги оборонцев, мы были об'явлены главными виновниками „поражения демократии“. При встречах с ними, меня осыпали градом упреков, часто совершенно забывая, что мы, большевики, ни в какой мере не обязывались защищать перед рабочими их либеральные бредни.

Относительно выступления 14 февраля наше Бюро Центрального Комитета поставило в известность Бюро Московской областной организации Р. С.-Д. Р. П.

Итоги движения 10 — 14 февраля были опубликованы нами во 2 номере „Осведомительного Листка“ [1]).

23 февраля—день работницы.

Во время политической кампании за выступления 10—14 февраля вспыхнул ряд забастовок в Питере и его ближайших окрестностях. Наиболее крупный конфликт, вызвавший забастовку на экономической почве, был в Колпине. Завод остановился 8 февраля.

18 февраля вспыхнула забастовка на гиганте, Путиловском заводе. Стачечники выставили ряд экономических требований и повели переговоры с администрацией. Конфликт обострился еще заносчивостью администрации и угрозой увольнения „зачинщиков“. С 22 февраля правление Путиловского завода перешло в наступление, об'явило рабочим завода локаут.

После проведения кампании о выступлении рабочих в день двухлетней годовщины суда над депутатами, Петербургский Комитет и его районные организации повели агитацию за празднование 23 февраля в Международный день работницы. Работницы откликнулись чрезвычайно живо на предложение Петербургского Комитета об устройстве специальных митингов, посвященных обсуждению вопросов о положении наших работниц. Листовки, посвященной этому дню, выпустить не удалось. Дело с техникой у П. К-та еще не наладилось. У Бюро Ц. К. также еще только велись изыскания средств и конспиративных путей для постановки тайной типографии.

Из всех подпольных организаций только „Междурайонный Комитет“ сумел выпустить печатную листовку, посвященную этому дню [2]).

Развернутая нашими партийными коллективами агитация в пользу выступления в „женский день“ ударила по самым больным местам положения рабочего класса. Темой массовой агитации был вопрос о дороговизне и положении женщины-работницы в нашей стране. Все тяжести положения рабочих особенно больно отзывались на работницах, матерях и женах пролетариев. В своих выступлениях наши агитаторы связывали ее бедствия с продолжавшейся войной, указывали на эту

[1]) См. отдел „Материалы и документы“, № 9.

[2]) См. отдел „Материалы и документы“, № 10.

мировую бойню, как на основу всех зол, усугубляемых еще и варварством русского царизма.

Работницы в этот день выступили застрельщиками забастовки, ходили от одного предприятия к другому и, под крики „долой войну“ и „хлеба“, снимали работавших.

Движение началось с утра на Выборгской стороне и быстро перешло в другие районы. Во многих местах выход рабочих на улицу сопровождался короткими демонстрациями, кое-где закончившимися частичными стокновениями с полицией.

Значительную часть этого дня я провел на Выборгской стороне, на квартире Ц. К. (у А. Д. Павлова), куда стекались сведения со всего района. Под вечер я решил отправиться в город. На Литейном мосту были сосредоточены полицейские силы. Каждый трамвай останавливался и все ехавшие подвергались осмотру. В вагон трамвая входил околоточный надзиратель и пара городовых. Они обходили пассажиров и каждого осматривали. Если одежда ехавшего свидетельствовала о его рабочем происхождении, то такого пассажира немедленно высаживали и возвращали назад. Возражавшим или протестовавшим угрожали немедленным арестом.

Я имел весьма „благонамеренный“ вид, с рук моих уже давно сошли мозоли, так как последний раз я работал уже более полутора лет назад, в 1915 году, в Лондоне, а после этого был занят только партийной работой. Околоток бросил на меня и мои руки взгляд, оставил меня в вагоне. Тронулись в центр.

По пути виднелись патрули городовых. По Невскому проспекту раз'езжали конные городовые. Пешие городовые охотились за отдельными рабочими, появлявшимися на Невском проспекте. Было ясно, что они решили принять энергичные меры борьбы против наших призывов в центр, против наших лозунгов демонстраций.

Перед этим выступлением в нашей среде усиленно обсуждался вопрос о том, каким путем возможно вовлечь солдатскую массу в революционную борьбу рабочих. Все соглашались с тем, что без присоединения солдат рабочие своими силами сломить самодержавие не смогут. Однако вопрос о вовлечении солдат в революционное движение казался столь трудным, что некоторые товарищи высказывали пожелание добиться хотя бы того, чтобы солдаты „держали нейтралитет“,

не выступали бы на помощь полиции, и при этом условии рабочие могли бы справиться одни.

Чтобы победоносно завершить революцию, кое-кто из партийных товарищей выдвигал вопрос о создании боевых дружин, о добыче оружия и вооружении части активных товарищей, в целях отпора полицейским силам. На Бюро Центрального Комитета мы обсуждали эти предложения и пришли к заключению, что эти боевые дружины могут только породить иллюзии у рабочих, отвлечь их внимание от основной задачи: завоевания, путем пропаганды, агитации самых широких солдатских масс. На почве вооружения мы не могли конкурировать с царским правительством. Наши „боевые“ дружины могли бы не привлечь, а, при некоторой доле провокации или бестактности, способствовать натравливанию солдат на рабочих. Всем товарищам, искавшим оружие для дружин, нами было отказано.—Возьмите казармы,—говорили мы им,—там находится оружие.

Завоевать солдат мы предполагали через улицу. Мы учитывали, что у питерских властей не хватит полиции для подавления всеобщей стачки, к которой мы приближались с каждой неделей. Выходя массами на улицы, митингуя и демонстрируя наши лозунги, мы предполагали вовлечь в это движение и солдат. У нас были кое-какие сведения о военных мероприятиях по подавлению „беспорядков“, к которым готовились власти. Мы знали, что солдаты будут выведены из казарм на улицы против „внутреннего“ врага. И мы рассчитывали, что у „запасного“ солдата, горожанина или крестьянина, не может быть удали и рвения к истреблению „внутренних“ врагов, в виде питерских пролетариев. Теперешний солдат, оторванный от семьи, видящий горе и бедствия трудовых масс, не сможет выдержать длительных пыток, какими несомненно является для него участие в подавлении „беспорядков“. Мы были убеждены, что в результате применения войск для подавления революционного движения, может быт, не сразу, может быть, дорогой ценой, ценой крови пролетариев, мы все же будем иметь отказ солдат быть орудием подавления. От отказа же был только один шаг до активного выступления на стороне рабочих. И всю нашу работу в эти дни мы направляли по этому руслу.

Начавшееся 23 февраля движение в тот день мы не считали еще началом решительного наступления на царский трон. Но, учитывая об'ективные условия, как резкое ухудшение экономического положения рабочих, недовольство войной, недовольство буржуазии неудачами войны, а также все растущую хозяйственную разруху и разгул реакции, мы допускали возможность революционного урагана даже от незначительного толчка. Поэтому движение 23 февраля было встречено нами со всей осторожностью, в нимательностью, и всем организациям была дана директива развивать движение, не ограничивать его каким-либо сроком, как это было в ходу в те времена.

24 февраля [1]).

В пятницу 24 февраля по фабрикам и заводам всей Выборгской стороны были устроены митинги. Рабочие призывались к забастовке и демонстрациям в центре города. Наши товарищи выступали с предложениями братанья с солдатами, проникновения к ним в казармы. Рабочая масса с энтузиазмом приветствовала эти предложения и, в свою очередь, непосредственно проводила их в жизнь. Вокруг солдатских казарм, около часовых, патрулей и цепей стояли кучки рабочих и работниц и дружески перекидывались словами.

Весть о локауте на Путиловских заводах разнеслась по всему городу, вызывая всеобщее возмущение рабочих во всех районах. Стачки, митинги и демонстрации стали разливаться по всем районам. Выборгский район и Путиловский завод уже не были одиноки в борьбе с правительством.

Все экономические, вернее, профессионально-копеечные интересы отошли на задний план. Боевым кличем этих дней стали наши лозунги: долой царское правительство, да здравствует временное революционное правительство, учредительное собрание, 8-мичасовый рабочий день и прекращение империалистической войны.

Наше Бюро Центрального Комитета, в составе трех товарищей П. Залуцкого, В. Скрябина (Молотова) и меня, собиралось в эти дни очень часто. События развивались с головокружительной быстротой. В связи с развитием стачечного

[1]) Глава из готовящейся к печати книги „Семнадцатый год", того же автора.

БИБЛИОТЕКА
ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

движения, принявшего определенно революционный, антицаристский характер, замечалось левение и оппозиционной интеллигенции, буржуазии и даже „обывателей“, т. е. мелких ремесленников, чиновников, лавочников и т. п. людей. Государственная Дума продолжала свое оппозиционное ухаживание за Николаем Романовым, и можно было ожидать от нее какого-нибудь антинародного сюрприза.

Движение с каждым часом росло вширь и вглубь, вовлекая десятки тысяч рабочих, и никто не был в силах, кроме наших партийных организаций, его остановить. Мы приняли решение развивать движение в сторону вовлечения в него солдатской массы и отнюдь не ограничивать это выступление каким либо механическим постановлением, определяющим всеобщую стачку трехдневным сроком, как это было в моде Пе-Ка. Проведение этого решения в Пе-Ка поручили нашему представителю в Пе-Ка, т. П. Залуцкому. Пе-Ка, в лице отдельных членов—Кирилла Шутко, Скороходова, был согласен с нами по вопросу о необходимости развития движения до максимальных размеров. Конечно, никто из нас не был уверен, что „это будет последний и решительный бой“ царскому режиму, и когда мы говорили о необходимости развития революционного движения до крайних пределов, то имели в виду и учитывали лишь силы стихии. Крайними пределами нам представлялись схватки вооруженных рабочих и солдат с полицейскими и верными трону войсками,—схватки, за которыми могла последовать и кровавая баня, а после нее—некоторый отлив. И этот момент организация должна учитывать и, не доводя выступления до развала, закончить его организованно.

О намечавшемся движении в Питере решено было послать курьера в Москву с информацией и пожеланием, чтобы и московские рабочие отозвались на выступление петербургского пролетариата. Ближайшие к Питеру города и рабочие поселки информировались силами Петербургского Комитета или непосредственно рабочими связями. На всех заводах и фабриках в окружности Питера настроение также было повышенное и заводы один за другим примыкали к стачке. Днем то тут, то там, на берегах Невы или на льду, посредине реки, образовывались летучие митинги, кучки спорящих, на глазах как-будто равнодушных часовых у мостов, тропинок через Неву или у правительственных зданий.

Несмотря на правительственные и полицейские угрозы, невзирая на патрули, цепи солдат и тому подобные препятствия на путях и переходах из рабочих районов к центру города, вечером в пятницу 24 февраля весь Невский проспект был заполнен рабочими, полицией и казаками. Вся чистая, франтоватая, фланирующая вечерами по Невскому публика испуганно исчезала. Рабочие останаливали трамваи, отбирая у неподчиняющихся вожатых пускные ключи. Полиция старалась оградить трамвайных рабочих, но последние не соглашались работать под охраной полиции и возвращались в парк с пустыми вагонами. Магазины, торговавшие обычно предметами роскоши и яств до глубокой ночи, а также рестораны, кафе закрывались. Дыхание отваги, мужества и решимости сопровождалось жутким веянием смерти. Одиночные посты городовых исчезли. Городовые появлялись то тут, то там уже организованными группами. Одних полицейских сил уже не хватало, чтобы подавить движение, и на помощь были призваны казаки. Небольшие отряды казаков взводами раз'езжали уже вечером в тот же день по главным улицам Питера.

Вечер этого дня я провел также на Невском, среди кучек рабочих, в публике и около патрулей. Гуляющих солдат и даже офицеров уже не было. Очевидно, военное положение поставило в боевую готовность казарменную жизнь столицы. Движение трамваев, извозчиков и автомобилей сокращалось с каждой минутой. Улицы были полны только пешеходами, собиравшимися в кучки. Кучки эти росли, превращались в громадные останавливающие всякое движение толпы. Одна такая группа, возникшая по Невскому проспекту недалеко от Литейного, быстро выросла во всю ширину улицы. Появился над толпой агитатор. Это был еще первый открытый митинг на Невском. Оратор призывал граждан к борьбе с самодержавным правительством, к борьбе со всеми бедствиями, которые несла и порождала война.

Во время речи на толпу шагом двигался взвод казаков. Толпа не дрогнула. Только лица, стоявшие близко от тротуаров, потеснились ближе к домам. Оратор смолк; все ждали, как поведут себя казаки. Наступила глубокая тишина, раскалываемая звоном конских подков. Тысячи глаз следили за каждым движением под'езжавших казаков. Как будто инстинктивно все придавали этой встрече рабочих с казаками значение,

определяющее дальнейшее не только сегодняшнего дня. Казаки—это была часть армии, наиболее чуждая рабочему классу и революционному движению. Понятен был всеобщий интерес к этой небольшой, но многозначительной встрече. Не знаю, что подействовало на казаков — передалось ли им напряженное состояние тысяч устремленных на них, молчаливых, но много говорящих взглядов, или то был сознательный шаг, но только взвод тихим шагом, рассыпным строем, разделившись одиночно, но порядком прошел через толпу. Может быть, это была их казачья воля, их решение избегать столкновений,—испуга ни с той, ни с другой стороны не было здесь. Для многих тротуарных зрителей этот маленький исторический эпизод был нечто вроде красивого жеста казаков, который заслуживал театрального одобрения. С тротуаров последовали возгласы — браво и аплодисменты. Но в густой толпе к этому отнеслись иначе. Там почувствовали, что и под казачьим мундиром бьется недовольное, возмущенное царистской политикой сердце. — Армия с нами! — пронеслось в толпе. Рабочие вновь сомкнулись, оратор продолжал свою речь о привлечении армии в революционную борьбу.

Эта встреча рабочего митинга с казаками наводила на размышления. Поведение казаков показывало, что тревога, думы и недовольство проникли и в казачьи казармы. В этот момент правы были товарищи рабочие митинга на Невском, что на этот раз армия будет с нами, с восстающим народом, с рабочими районами. И эти тысячи блузников, революционных застрельщиков с удесятеренной энергией бросились в борьбу, призывая заводские массы и солдат к общей борьбе с царским режимом. Покидая Невский и другие улицы центра города, рабочие призывали друг друга на завтра опять на Невский, приводить туда всех, и прощаясь кричали друг другу „до свиданья на Невском, до завтра!“

Во многих местах в этот день произошли стычки с полицией, прибегавшей к холодному оружию. Много было арестовано на улицах и на-дому. Однако это не ослабляло движения и не понижало того энтузиазма и решимости к борьбе, который охватил всю пролетарскую демократию. Движение становилось настолько прочным и массовым, что жалкими мероприятиями царской власти остановить его было уже нельзя.

Опьяненный мечтами и мыслями о победе над царизмом, пошел я на свиданье со своими товарищами по Бюро Центрального Комитета и работниками Петербургского Комитета. Однако было уже поздно искать их по квартирам и я отправился на свою любимую ночевку к добрейшей М. Г. Павловой.

Там нашел уже целую группу партийных работников—Чугурина, Каюрова, Павлова и хозяйку М. Г. Павлову, и также, кажется, Куклина и еще члена Петербургского Комитета А. К. Скороходова. Товарищи делились впечатлениями пережитого дня, комментировали события, сообщали новости и делали предположения. Для всех было ясно, что революция началась, Россия „тронулась". Революционное движение охватило столь широкие круги, что никто уже не сомневался в том, что наступает решительной бой. Последнее слово ожидали только от солдатской массы. На этом собрании товарищи указывали на целый ряд фактов, свидетельствовавших о неспокойном состоянии казарм. Необходимо было в этом направлении усилить работу, проникать в казармы, завязывать уже боевые связи с солдатами. Оружие должно стать на сторону народа.

25 февраля [1]).

В субботу, 25, утром было заседание Бюро Ц. К. От Пе-Ка получили предложение дать боевую листовку. В порядке дня стояли вопросы исключительно текущего момента. Проектов листовок у нас было несколько, но мы остановились на одном, присланном тов. М. С. Ольминским; приняв его в основу, решили исправить его таким образом, чтобы он мог служить руководящей нитью в текущем выступлении. Выставляя на первый план необходимость открытой борьбы с царизмом, мы решили организационно спаять распыленную, живущую и действующую вне всякого плана рабочую и солдатскую массу вокруг наших партийных организаций, предлагая устраивать „социал-демократические комитеты" по заводам, районам, городам и областям, по всей России. Кроме того, решили немедленно принять меры к тому, чтобы Питерское движение нашло отклик по всей России. Постановили—включить лозунг всероссийской всеобщей забастовки, послать в Москву гонца с предложением московским товарищам немедленно выступить

[1]) Глава из готовящейся к печати книги „Семнадцатый год".

с агитацией за поддержку питерских рабочих, за революционные лозунги путем всеобщей стачки. Совместно с товарищем В. М. Молотовым мы исправили прокламацию в желанном направлении, дополнили ее лозунгами и призывом к открытой борьбе и тут же вручили товарищу, присланному Петербургским Комитетом [1]).

Тут же я получил через своего маленького секретного курьера сообщение о том, что у Н. Д. Соколова предполагается быть вечером в этот день собрание представителей различных фракций; мое присутствие считалось необходимым. Обсудили этот вопрос и решили, что время для дипломатических переговоров, соглашений уже прошло. Настала пора действий. Следовательно, программа соглашений могла быть одна — активное действие, поддержка уличных выступлений рабочих, призыв к демонстрациям и вооруженной борьбе с полицейскими силами и т. п. Путешествие на квартиру Н. Д. Соколова, свидание с Чхеидзе, Керенским и другими интеллигентами уже не имело существенного интереса. Поэтому товарищи согласились со мною, что не следует придавать большого значения этим свиданиям и поручили мне быть там, где позволит время.

Движение в этот день приняло характер всеобщей стачки питерского пролетариата. К движению примкнули самые отсталые заводы, трамвайные парки, трамвай и все типографии, мелкие мастерские и торговые заведения. С самого утра рабочие районы находились в состоянии необычайного возбуждения. Полиции в одиночку не видно. Все черные силы реакции сконцентрировались по отдельным участкам, ходили группами или целыми взводами. Митинги, собрания, кучки собеседников покрыли все окраины. Власти приняли все меры к тому, чтобы волны бушующей пролетарской стихии не перекатывались в центр города, расставили полицейские барьеры, цепи воинской охраны. Оцеплены были мосты, тропинки через реку, особо охранялись правительственные здания, тюрьмы, почта, телеграф. Но напрасны были все полицейские барьеры и солдатские штыки. Перед обеденным временем началась усиленная тяга из районов в центр города. „Сегодня

[1]) Окончательную редакцию прокламации смотри в отделе „Материалы и документы“, № 11.

к Казанскому собору!"—проносилось по всем рабочим районам. И рабочие вместе с работницами и своими женами, обходя все препятствия, прокладывая новые дороги по льду, проникали тысячами в центр города. По улицам Невского, Литейного и по прилегающим к ним, а также на Знаменской, Казанской площадях проходили и стояли пешие и конные части. Город принимал вид военного лагеря, далеко не мирного времени. Известно было, что в участках, на пожарных каланчах и на некоторых домах производится установка пулеметов. Полиция вооружалась. Правительство решило дать бой. Об этом свидетельствовали не только хабаловские об'явления и приказы, но и маневренное развертывание полицейской и жандармской конной и пешей силы. Однако, для борьбы с восставшим народом одной полиции было слишком мало. Приходилось прибегать к помощи войск. Поэтому центральное внимание всех было направлено на солдат. Завоевание революцией солдат — вот был наш лозунг дня. Судьбу этих дней решало поведение этих тысяч серых шинелей, так стройно шагавших по городу или находившихся наготове в своих казармах.

Многие товарищи рабочие и представители районов обращались ко мне в эти дни с требованием добыть оружие.— „Хоть несколько револьверов, товарищ", — умоляли меня пролетарии. Достать можно было и сравнительно легко. Однако, ведь, не револьвер решал дело. Вооружением царское правительство было богаче нас, и надо было его оружие использовать и овладеть им. Боялся я, что нетактичное направление приобретенного таким путем оружия может только повредить делу. Разгоряченный товарищ, пустивший револьвер в ход против солдата, мог бы только спровоцировать какую-либо воинскую часть, дать повод властям натравливать солдат на рабочих. Поэтому я решительно отказывал в поисках оружия всем, самым настоятельным образом требовал вовлечения солдат в восстание и этим путем добыть оружие и всем рабочим. Это было труднее, чем приобретение нескольких десятков револьверов, но в этом была целая программа действия. Обострение уличной борьбы возбуждало у рабочих великую жажду вооружения, все, даже массовики понимали, что это было единственное средство к победе, к закреплению каждой новой позиции в происходившей борьбе. Оружие рабочий-

революционер мог достать только у солдата—рабочего и крестьянина в серой шинели, колебавшегося в своей верности присяге и боровшегося со страхом и оковами дисциплины, но показавшего тысячами случаев, что он всем сердцем и душой с нами, с революционным народом, но нужно сделать еще шаг друг к другу, чтобы это единение из сочувственного превратилось в действующее. И этот шаг, по моему мнению, должны были сделать сами рабочие. Практически я мыслил это и предлагал представителям П. К. и работникам Выборгского районного комитета осуществить на местах, по районам и казармам таким образом: наши товарищи, пользуясь партийными и личными связями с солдатами, расположенными в их районе, проникают, несмотря на риск и трудности, в казармы, устраивают массовки с участием солдат там, где нельзя будет проникнуть в казармы. На этих собраниях ставить вопросы внутреннего положения, о тягостях войны, ее целях и необходимости свержения царской власти и прекращения войны. Звать к активности и присоединению к народу, к поддержке революционных требований. Во время уличных встреч следовало быть крайне осторожным и не нападать на воинские солдатские части, а стараться сливаться с солдатами, вступать в разговоры, обращаться к ним с речами, стремиться к уличному братанию, распылению их в толпе, изолированию от них офицеров. Возможны были все же столкновения с солдатами и при такой тактике, которую рисовал и предлагал я товарищам, так как правительственная власть постарается бросить на рабочих прежде всего самые верные части, вроде унтерофицерских, учебных команд и т. п. Но приходить в отчаяние от той или иной неудачи, основывать на ней отрицание необходимости подобной тактики, было бы пагубно. События этого и последующих дней подтвердили верность такой позиции.

Впервые после двенадцати лет реакции и борьбы, Петербург видел в этот день такой массовый наплыв рабочих в центр города. Тысячные толпы со всех районов, по всем улицам и закоулкам стремились прорваться к месту боевого сбора—Казанскому собору. Несмотря на всю энергию полиции, как конной, так и пешей, ей не удавалось сдерживать наших рабочих и в обеденный час там, около Казанского собора, собралась огромная толпа. Немало было там и полицейских сил. Для полноты военной картины не хватало только артиллерии.

Конные городовые, жандармы устраивали на площади „мельницы“, бросались в атаку на толпу. Тут же стояла и пехота, мрачная, недовольная. Под натиском вооруженных полицейских сил толпа переливалась с одного места на другое, разбегалась и смыкалась вновь. Во многих случаях зверские атаки встречали сопротивление. На конных городовых и жандармов сыпались камни, бутылки, палки. Была беспорядочная стрельба по безоружной толпе. Были раненые, убитые и арестованные.

Оказывая самое упорное сопротивление жандармам и полиции, этим продажным шкурам, как характеризовали основную силу царской власти рабочие, они всячески избегали столкновений с солдатами. К пехоте все стремились приблизиться и были случаи, когда по команде офицеров солдаты брали ружья на перевес, чтобы разгонять толпу, но за их винтовки хватались женщины, поднимался такой шум и крик, что солдаты терялись; этим мгновением толпа раз'единяла их, превращала воинскую часть в кучки спорящих, волнующихся, упрекающих друг друга солдат и рабочих.

На Знаменской площади была такая же картина. Та же давящая толпу „мельница“ конницы, тот же свист нагайки, те же приемы и угрозы стрельбой, такие же стычки. Под вечер Знаменская площадь была запружена многотысячной толпой рабочих и работниц. Полиция начала применять энергичные меры по разгону демонстрантов. То в одном, то в другом конце огромной площади происходили схватки. Пролилась пролетарская кровь. Зверский разгон возмутил некоторых казаков и между полицейскими и казачьим отрядом произошла стычка, в результате которой один полицейский чин был ранен шашкой. И так по всему городу, по всем районам. Казаков в этот день было немного, очевидно им был дан отдых от работы в предыдущие дни, а возможно, что их не выпускали за проявленную ими легкость по отношению к демонстрациям и митингам.

Впервые в этот день раздались выстрелы по безоружным демонстрантам. Стреляли у Литейного проспекта и около Михайловской улицы. На крышах домов и пожарных каланчах были установлены пулеметы в ночь на двадцать пятое. Правительство готовилось к бойне.

Только под вечер удалось полиции очистить город от нахлынувших туда рабочих. Однако, это не означало победы

над восставшими рабочими. Общий голос расходившихся по домам призывал на другой день к новы меще более многолюдным демонстрациям. Все переживали необыкновенный под'ем настроения, заразивший даже обывателя. Три дня уличных встреч, борьбы и общей опасности спаяли десятки тысяч рабочих, сделали их борцами и агитаторами за революцию. Рассказы о том, что было, что делалось на том или другом конце Невского, на площадях и закоулках, выслушивались с затаенным дыханием, вызывали в глазах печаль и месть, если гибли наши силы, и огоньки восторга, когда враги попадали в скверное положение. Особенный интерес проявили слушатели ко всякой мелочи в поведении солдат. От коллективной наблюдательности массы не ускользнули даже оттенки той внутренней борьбы, которую переживали солдаты патрулей и воинских усмирительных частей. Решительное действие войск или, вернее, их отказ от решительного действия против рабочего народа должен был завершить эти дни полным торжеством революции.

В этот день мне не удалось зайти на совещание партийных представителей (меньшевиков, социалистов-революционеров), поэтому не был в курсе всех предположений других организаций. Однако, эти совещания и свидания, при сложившихся партийных отношениях, нам, большевикам, ничего не давали. Встречи носили случайный характер и отличались расплывчатостью бесед и неопределенностью задач. Частенько сходились представители противоположных мировоззрений, потерявших за время войны даже былые революционные традиции подполья. Легалисты и оборонцы всех направлений приходили на эти совещания для того, чтобы выведать, узнать от своих противников ближайшие шаги и намерения подполья. Все „острые“ вопросы революционной и классовой политики собиравшиеся, в большинстве интеллигенты, дипломатически обходили. У меня было очень мало надежды на то, что эти круги смогут оказать активную поддержку восставшим рабочим. То, что я видел на улице, что я узнавал от рабочих, что я слышал в кучках собеседников, было важнее кабинетных размышлений, а потому и не оказалось у меня особых побуждений к встрече и совещанию с представителями интеллигентских кружков.

Петербургская Дума, напуганная революционным движением, устроила заседание вечером 25 февраля. На заседание

прибыло много демонстрантов рабочих и интеллигенции. Дума приняла резолюцию с требованием свободы слова, печати, собраний и свободы выборов в учреждения, ведавшие делами продовольствия. Во время заседания в Думу приносили раненых на улице рабочих. Это вызывало шумные антиправительственные манифестации присутствовавших.

Вечером в этот день (25 февраля) состоялось заседание Бюро Ц.К. в квартире т. Павлова. Нашим представителем в Ц.К. т. П. Залуцким было сделано сообщение о положении дела в районах Петербургского Комитета нашей партии. Из полученных им данных положение дела и состояние организации было очень благоприятное. Повсюду работники наших подпольных коллективов стремились охватить движение, направляя его на путь революционных демонстраций и братанья рабочих с солдатами. Стачка проходила блестяще, приняла всеобщий характер и протекала при повышенном и боевом настроении рабочих. Представители районов сообщали Петербургскому Комитету о том, что рабочие решили закончить стачку лишь по достижении победы над царским правительством. Связи с казармами у Петербургского Комитета и по районам налаживались. Особенно энергично действовал в этом направлении Выборгский район. Там стояло несколько запасных полков и команды самокатчиков, среди которых наши товарищи начали вести усиленную агитацию. Привлечь солдат на нашу сторону поднять хоть часть их из казарм—было мечтой всех организованных и беспартийных пролетариев фабрик и заводов. Вокруг казарм ходили в одиночку и кучками рабочие, стараясь всячески связаться с солдатами. Офицерство всячески стремилось помешать сношению казармы с „волей", часто угрожая стрельбой по ходившим и собиравшимся около казарменных зданий рабочим. За жизнью и деятельностью солдат в казарме следили тысячи рабочих. От них не укрылось царившее в казармах беспокойство, малейшие признаки неподчинения солдат бодрили и вселяли надежды на победу.

Воскресенье 26 февраля [1]).

Утром двадцать шестого предполагалось собрать пленум Петербургского Комитета нашей партии, на котором должны были подвести итоги движению и наметить линию дальнейшего

[1]) Глава из готовящейся к печати книги „Семнадцатый год".

действия. Движение развивалось, росло. Наши предположения о вовлечении солдатской массы в движение начинали оправдываться: в казармах было беспокойно. Сторожевые посты солдат легко вступали в разговоры. В их поведении чувствовалась глубокая тревога.

Государственная Дума, ее оппозиция была уже забыта, отошла на задний план. Благодаря всеобщей стачке, газеты не выходили, и никто не знал о том, что делается в мире буржуазной оппозиции. Внимание всех было направлено на улицы Питера, все чувствовали и понимали, что там на площадях и в закоулках решаются судьбы революции. Необходимо было обеспечить максимум успеха за восставшими рабочими в уличной борьбе с верными царизму отрядами полицейских, жандармов и воинских учебных и иных команд. Все наши помыслы были прикованы к уличной, грандиозно развертывавшейся борьбе. Для победоносного завершения всеобщей стачки и революционных демонстраций требовалось немного активного участия в борьбе со стороны хотя бы незначительной части войск. Уже в субботу, 25, чувствовалось, понималось нами, что для победы над имевшимися у правительства надежными частями нужна небольшая воинская часть, активное выступление которой, совместно с восставшими рабочими, решало борьбу в пользу победы революции. Найти такие части, привлечь их к борьбе рабочих,—было делом наших организаций, делом и заботой каждого члена нашей партии. В казармы, к солдатам, давались нами лозунги на эти дни. Вопросы боевой практики отодвигали на задний план все задачи по оформлению движения, созданию „всеми признаваемого“ центра по руководству борьбой и на случай победы. Та доля руководства и влияния на борьбу, которую имели наши партийные организации, снизу до верху, нас достаточно удовлетворяла. Техника уличной борьбы и демонстраций под красными знаменами революции не требовала кабинетных соглашений между различными политическими группировками того времени. Мы сознательно не выставляли лозунгов по созданию какого-либо непартийного органа для руководства полустихийным движением, выдвигая для этой цели наши испытанные в борьбе, дисциплинированные и централизованные партийные коллективы. Для боевого об'единения рабочих этих центров было вполне достаточно.

При победе восстания, даже при первом его успехе, мы предлагали созыв совета рабочих депутатов. Как он создается, для рабочих очень хорошо было известно по опыту 1905 г. Другого, более авторитетного, центра трудно было и выдумать. Солдат местного гарнизона также было бы легко ввести в рамках представительства в совет. Идеи создания совета рабочих депутатов в Питере возникали во время войны (1915—1916 г.г.) неоднократно, почти при каждом крупном забастовочном движении. И Бюро Ц. К. совместно с Петербургским Комитетом пришло к заключению, что руководство восстанием должно сосредоточивать в наших нелегальных партийных центрах. Однако большинство наших заводских коллективов, в силу их боевой роли, потеряли свой „нелегальный", т. е. секретный, подпольный характер, превратившись в легальное представительство всех рабочих. Кое-где на заводах металлической промышленности были созданы „заводские комитеты". На них в эти дни лежала забота по наблюдению за предприятием, удовлетворение материальных нужд рабочих, сношения с администрацией и т. д.

Двадцать шестое февраля, второй день всеобщей стачки, был день праздничный, воскресный. С самого раннего утра рабочие кварталы столицы были переполнены празднично одетыми группами рабочих. Всюду господствовало оживление и боевое, антиправительственное возбуждение. Из рабочих кварталов тянулись людские потоки к центру города. Улицы, переулки, ведущие из рабочих кварталов к центру, были заняты усиленными нарядами полицейских и воинских частей. Мосты, тропинки через замерзшую Неву и каналы, проложенные ногами экономных пешеходов, также были под зоркой охраной и наблюдением вооруженной охраны.

„Дальше нельзя!"

„Переходить запрещено!"

„Назад!"—раздавалось при первой попытке пройти „нормальными" путями в центр города. Но все эти усиленные кордоны, солдаты, стучавшие прикладами винтовок об утоптанный снег, бессильны были преодолеть волю восставших рабочих. Охраняемые места обходили, прокладывали тысячи новых дорог, тропинок и вереницами, группами и в одиночку продвигались к Невскому, к Знаменской и Казанской площадям. Около воинских патрулей, солдатских цепей, преграждавших

путь, толпились возбужденные рабочие, работницы. Солдаты попадали под влияние массовой пропаганды, охотно беседовали с прохожими, выражали свое сочувствие и нередко отворачивались, чтобы „не видеть“ прорывы охранной цепи.

В этот день войсковых частей, привлеченных к делу подавления революции, было значительное количество, на много превышавшее количество сил за предыдущие дни. По решению штаба округа город был разбит на участки. К каждому участку была приписана воинская часть, а начальниками участков были назначены командиры полков.

Первой моей заботой в этот день была посылка курьера в Москву, для осведомления Московского Областного Бюро относительно всего происходящего у нас в Петербурге и с предложением выступить во что бы то ни стало на поддержку начавшегося движения. Послал своего маленького курьера К. Тютерева по явкам на поиски за работавшими при Бюро Ц. К. курсистками, назначив свидание на вечер за несколько часов до отхода вечернего поезда на Москву.

Из-за Невской заставы перебираюсь по переполненным улицам предместий района Песков, Выборгской стороны на нашу штаб-квартиру Бюро Ц. К., на Сердобольскую улицу.

Из Лесного и Выборгской стороны, несмотря на раннее утро—не было еще и десяти часов,—празднично одетые пролетарии спешили к центру города. Жизнь фабричного района совершенно замерла. Не слышно ни фабричного шума, ни гула металлических военных заводов. Все лавочки, базары закрыты. На улицах нет ни одного извозчика. Не слышно дребезжащих звонков трамвая—на линиях не видно ни одного вагона. По Финляндской дороге, громыхая через мосты, движутся к городу переполненные пассажирами поезда.

На квартире Д. А. Павлова узнал, что собравшийся рано утром в этот же день Пе-Ка, на квартире т. Куклина, по большому Сампсоньевскому проспекту, был арестован. В руки полиции попали кое-какие документы о состоянии работы в районах и написанная Бюро Ц. К. прокламация. Впоследствии оказалось, что несколько членов Пе-Ка избежали ареста. Арест указывал на провокаторскую руку, но не приходилось и думать о поисках и тратить время на догадки. Арест Пе-Ка в момент разгара движения мог внести расстройство в ряды организации и тотчас же нужно было заменить арестованный

центр другим. Была большая опасность в том, что районные работники, лишенные руководства, могли повести массы в разброд. Эта опасность усиливалась еще намерениями оборонческих кругов вести агитацию за ликвидацию движения. Собирать районы и производить новые выборы Петербургского Комитета в такой боевой момент было совершенно невозможно. Общее руководство движением и партийной работой в Питере с момента ареста автоматически ложилось на Бюро Ц. К.

До обеда удалось найти кое-кого из членов Выборгского района и договориться с ними относительно создания нового Пе-Ка. Помню, что, кроме Павловых, Бубнова, на совещании был В. Н. Каюров, Чугурин и, кажется, К. Лебедев. Я предложил Выборгскому комитету, как самому мощному, взять на себя обязанности Петербургского Комитета и, совместно с Бюро Ц. К., руководить движением. В нашей подпольной практике существовал некоторый обычай—равняться по Выборгскому району, и во время стачек масса очень часто равнялась по Выборгской стороне, по ее фабрикам и заводам. Кроме того, Выборгский комитет, благодаря личной и территориальной связи с Петербургским Комитетом, был наиболее других районных комитетов в курсе общепитерской работы. Совещание согласилось с моим предложением и в тот же день поспешило оповестить всех заинтересованных в создании центра товарищей. Бюро Ц. К. в тот же день также одобрило предложенные мною организационные мероприятия по созданию нового Пе-Ка. Таким образом была парализована возможность расстройства наших боевых рядов в эти дни. И на этом заседании товарищи Выборгского района поднимали вопрос относительно вооружения и создания боевых дружин. Арест Пе-Ка дал новый толчок просьбам и требованиям оружия. Особенно „грызли зубы“ местные рабочие на полицейский участок, вкрапленный, как заноза, в пролетарский квартал. Полицейские посты исчезли давно и городовые, вооруженные винтовками, сидели в части. Выбить их из этой части—было большим желанием рабочих.

Указал еще раз товарищам на единственный верный путь к оружию—привлечение солдат, дружба с казармами, в которых было достаточно хорошего вооружения.

С Сердобольской улицы направился к центру города. Был второй час дня, рабочие густыми вереницами стекались к Литейному мосту. По мосту проходить не давали. Пришлось спускаться к реке и пройти в обход, в направлении „Крестов“, и оттуда переправиться на ту сторону Невы. По набережным и у дорог стояли часовые. По улицам города сновали конные отряды городовых, жандармов. Изредка показывались казаки и др. конные части войск гарнизона. Рабочих сгоняли со всех дорог, мостов, переходов, ведущих в город. Воинских и полицейских сил в эти дни было значительно больше, чем раньше. Но, как и в предыдущие дни, все эти полицейские рогатки, воинские заставы были беспомощны задержать народный поток. Уже с обеденного часа Невский проспект был заполнен пролетарской публикой. На Знаменской площади, на углу Литейного проспекта и Невского, а также на перекрестке Невского и Садовой появились манифестации с красными знаменами. Но наиболее крупная манифестация происходила у Казанского собора, на традиционной площади революционного движения нашей столицы. Там были сосредоточены большие полицейские и воинские силы. За полицейским мостом, через Мойку, была расположена какая-то воинская часть, среди манифестантов говорили, что это была учебная команда Павловского полка. Между воинскими частями и публикой, пехотой и манифестантами происходили постоянные переговоры, разговоры и агитация. Действия конницы приводили к тому, что рабочие, работницы и прохожие граждане теснились около пехоты. Раздававшаяся время от времени стрельба из винтовок со стороны Мойки залпами и в одиночку заставила демонстрантов искать прикрытия за углами и очистить середину Невского проспекта.

В различных концах площади слышатся звуки „Марсельезы“, кое-где поют „Дружно, товарищи“. Появляются красные знамена. Это не выдерживает полицейское око и начинается атака и разгоны. Демонстранты оказывали сопротивление кто чем мог, что попало под руку. Ни стрельба, ни разгон не помогали: демонстранты, тысячными толпами, сбитые в одном месте, собирались в другом.

Был уже третий час дня, когда я проходил от Литейного по Невскому проспекту. По обеим сторонам проспекта двигалась густая масса пешеходов. Тут были чиновники, военные

врачи, учащиеся, прислуга, дворники и группы рабочих и работниц. При звуках стрельбы все стремительно бежали в ворота домов или жались к под'ездам. Стреляли со стороны Казанского собора по направлению к Знаменской площади, вдоль Невского проспекта. Середина проспекта быстро очистилась, превратилась в белую пустынную полосу, окаймленную по сторонам черной движущейся лентой людской толпы.

Стрельба стихала, тротуары приходили в оживленное состояние. Смельчаки выбегали на середину проспекта, иные спешили использовать затишье для перебежки на другую сторону Невского.

Где-то вдали слышны залпы, один, другой...

Тра-та-та... раздается где-то близко, со стороны Знаменской площади, чеканно-звонкий треск пулемета.

Все останавливаются, как-будто замирают на месте, прислушиваясь с тревогой к отдельным звукам смерти. Снова беспорядочная пальба со стороны Садовой и плавный шопот пулемета со Знаменской...

Опять все ищут защиты во дворах домов, на углах пересекающих Невский улиц и в карнизах домов...

Паники, страха не наблюдалось, но возмущение против правительства, допустившего стрельбу по безоружной толпе было огромно и захватило все слои населения.

Беспорядочная пальба из винтовок и мерный пулеметный чок прекратились через несколько минут. Снова все осторожно выходили на тротуары Невского и устремляли свои взоры вдоль по проспекту.

Вдали, на укатанной снежной мостовой, недалеко от Литейного проспекта, а также ниже Аничкина дворца, виднелись небольшие, мешкообразной формы предметы... То были первые жертвы царизма в этот день. Разбойная рука полицейских била по всякой цели, попадавшейся на глаза. Полицейские пулеметчики, рассаженные по засадам на крышах домов и пожарных каланчах, поливали свинцовым дождем демонстрировавшие массы рабочих.

Опять залпы вдалеке заглушают рокот пулемета. Снова перекличка пулемета Знаменской (вернее с каланчи Александро-Невской части) со стрелками от Мойки.

Я забрел на угол Знаменской площади и Невского проспекта. Цепь солдат преградила дорогу. Просят, умоляют толпу

вернуться в улицу и пройти в обход, другими путями. Площадь была закрыта, но прилегающие к ней улицы и переулки были полны рабочим людом.

На прилегающих к Знаменской площади улицах послышалось пение революционных песен. Там собрались текстильщики и металлисты Невской заставы. Со стороны Невского, обходным путем, по направлению песен, тянулись рабочие. В этом районе было много полицейских и воинских сил, расположенных в участке, в Северной гостинице, на Николаевском вокзале и прямо на площади. По площади ездили казаки, не смешиваясь с полицией, держась особняком.

Появление толпы, пение и демонстрации представляли удобный случай для расправы, и полиция поспешила ринуться на безоружных рабочих и работниц, рубя, давя лошадьми, стреляя из револьверов. Сцена была столь дикая, что возмутила казаков, и последние тут же выступили против полиции. В толпе передавали, что один казак зарубил командира полицейских сил (пристава Александро-Невской части). Этот случай передавали из уст в уста, как самую радостную новость. Однако, как ни приятна была в то время эта новость, все же верилось с трудом, чтобы казаки, сами казаки, даже казаки, этот оплот царизма, был с нами, с восставшими пролетариями и возмущенными гражданами. Казаков поспешили убрать...

На пожарной каланче Александро-Невской части разгуливали городовые с винтовками, изредка постреливали по Смольному проспекту, выбирая кучки собравшихся, стреляли по группам детей, гулявших по улицам. Были убитые.

С угла Невского и Знаменской направляюсь на Пески, на одну из Рождественских улиц, где назначил явку „курьеру" для поездки в Москву. Переход через Смольный проспект совершался в перебежку, так как с Александро-Невской части стреляли городовые. За углом под прикрытием домов и заборов стояли рабочие, работницы, жители этого района и громко обсуждали создавшееся положение.

Моими попутчиками были рабочие с Обуховского, Невского и других заводов. Все на перебой делились своими впечатлениями, рассказывали о том, как той или иной группе рабочих удалось привлечь на свою сторону солдат. Сообщали радостно о том, как солдаты около Казанского собора не были

в состоянии выполнить приказа о разгоне демонстрантов, как при попытке наступления солдаты были разобщены и потерялись, растаяли в массе.

На явке нашел молодую курсистку „товарища Соню", которой и предложил немедленно отправиться в Москву, сообщить о начавшейся всеобщей стачке и об уличных выступлениях. Передал наше предложение Бюро Московской Области о необходимости их выступления. Дал денег, явку в Москву и снова побрел по улицам, на свою ночевку.

С наступлением темноты стрельба прекратилась. Начался отлив демонстрантов из города. Путь на Выборгскую сторону был усеян кучками тихо шедших рабочих и работниц. На устах у всех события текущего дня. От наблюдений массовиков не укрылось состояние войск. Переживания солдат, их поведение служило предметом разговоров и предположений. Все по опыту убедились, что солдаты в народ стрелять не будут. В этот день отличались зверством только одни пьяные конные и пешие городовые. Были разговоры и об особых командах, принимавших участие в стрельбе по народу.

Уже во время моего прохождения по Пескам слышал сообщения о том, что рабочие начали избивать жандармов и городовых, возвращавшихся в одиночку „со службы" домой. Было несколько случаев расправы толпы с прислужниками царизма.

Улицы Выборгской стороны кишели народом. Полицейских сил не было. Казармы, вернее, входы в них, охранялись усиленными нарядами. Солдат не выпускали из казарм, но обо всем, что происходило в городе, они информировались через часовых и через заборы, вступая в разговоры с прохожими.

На квартире Д. А. Павлова застал ряд товарищей, пришедших сообщить о виденном и слышанном. Среди присутствовавших были тт. Чугурин, Каюров, Лебедев, Бубнов (Афанасьев). Все были восхищены и поражены грандиозностью движения. Д. А. Павлов и М. Г. Павлова много рассказывали о том, что видели и слышали, чему были свидетелями и участниками около Казанской площади. Из всех рассказов пришедших товарищей, побывавших за день в различных местах, можно было придти к одному: наши лозунги к уличным выступлениям осуществились полностью. Однако, все мы сознавали, чувствовала это и вся многотысячная масса рабочих, что

сделана только половина должного. Трудный момент выхода в бой, начало сражений было положено, но что же дальше?

На тему о том, что же дальше, завязался оживленный разговор, перешедший вскоре в спор. В некоторых кругах, близких к оборонческим центрам, поговаривали о том, что нужно ликвидировать движение. Оставшаяся на свободе часть членов рабочей группы Военно-Промышленного Комитета открыто высказывалась за окончание всеобщей забастовки. Среди участников нашей дискуссии не было сторонников ликвидации этого движения, но все старались подойти поближе к вопросу о том, что мы можем ждать от событий. Учитывая события прошлых дней, товарищи ставили вопрос о том, каковы наши дальнейшие лозунги, как мы намерены были бы направить движение. Углублять и уточнять вопрос любил тов. Каюров и он упорно, с разных сторон, подходил все к тому же, что же дальше?

Чугурин высказывал предположения, что если бы у рабочих было хоть немного оружия, можно было бы организовать боевые дружины, а с ними легко было одержать верх над полицейской ратью. Зная во мне противника такой точки зрения, добрейший товарищ Чугурин бросал злые взоры и колкости в мою сторону. Я знал, что мнение т. Чугурина разделяется значительным количеством членов партии на Выборгской стороне, и мне пришлось особенно подробно остановиться на его точке зрения.

События, в которых мы имели активную долю, все же учили нас тому, что один пролетариат, без прочного союзника, одержать верх над царизмом не сможет. Даже принимая во внимание успех „боевых дружин“ против Питерской полиции, эта основная задача не была бы решена. Было известно, что правительство перебрасывает войска к Питеру, против которых были бессильны даже великолепные дружины т. Чугурина. И опять мы вернулись к вопросу о том, что присоединение армии к революционному движению решает дело, и тогда Петербургу не могут быть страшны никакие „дикие дивизии“. Что же дальше? — Будем продолжать борьбу, примерами привлекать массы рабочих и работниц к дезорганизации войск, стараться вовлекать их в движение, призывая от сочувствия к активной борьбе. Случай с казаками на Знаменской был характерным показателем настроений казарм.

Не могу сказать, чтобы мои собеседники были особенно удовлетворены моими ответами, но никто не предложил другого, а продолжать борьбу, обострять ее—с этим все были согласны.

В беседе выяснилось, что стрельба по безоружным, дикая расправа полицейских сил над демонстрировавшими рабочими происходила по всему центру города. Стрельба по Невскому проспекту возобновлялась несколько раз, но ее перестали бояться, умело спасаясь за прикрытиями. А кроме того, смерти уже перестали бояться—на таком миру и смерть была красна.

Воодушевление, энтузиазм были огромны и столь же велико было желание победы. Расходясь по домам, товарищи рабочие прощались „до завтра", мечтая на другой день продолжать борьбу еще более решительно. Против царского правительства были не только рабочие и работницы, но и обыватели. Правда, обыватель не шел на активную борьбу, но своим сочувствием и порицанием действий власти создавал благоприятную „моральную" обстановку для борьбы в буржуазной части города.

Утром в воскресенье по городу было расклеено об'явление генерала Хабалова, командующего Петроградским Военным Округом, в котором он предлагал рабочим возобновить работы и угрожал применением военной силы в случае непринятия его предложения и продолжения уличных „беспорядков".

Во многих местах солдаты проявили признаки недовольства, а командный состав терялся. Власти теряли уверенность в борьбе и возможность руководить войсками против революционного народа. Размеры массового выступления разрушали все репрессивные намерения генерала Хабалова. Его утреннее воззвание и угрозы презрительно срывались. На язык пулеметов, которым заговорили с рабочими царские генералы, пролетарии мечтали ответить тем же.

После ухода товарищей из квартиры Д. А. Павлова, я засел за работу по окончанию составления очередного номера второго „Осведомительного Листка", издававшегося Бюро Ц. К. Имевшиеся сведения нужно было формулировать сжато, чтобы иметь возможность поместить как можно больше. В этом номере поместил „предварительные сведения о революционном движении с 23 февраля". Эти сведения еще

носят отпечаток конспиративных соображений и чрезвычайно кратки. Утром должен был зайти курьер для передачи всего материала второго номера Е. Д. Стасовой, имевшей возможность „тиснуть“ его на пишущей машинке.

Понедельник, 27 февраля [1]).

Было очень рано, не было еще 7 часов утра, когда на квартиру нашего Бюро Ц. К. служившую мне и ночевкой, явился товарищ Чугурин. М. Г. Павлова, усумнившаяся в деловом характере столь раннего посещения, не высказывала желания указать ему, где обретался я. Однако, указания тов. Чугурина на партийную необходимость победили сопротивление нашей преданной делу хозяйки.

Подняв меня с постели, тов. Чугурин заявил, что пришел по настоянию членов Выборгского Районного Комитета, исполнявшего обязанности Пе-Ка, поговорить о работе сегодняшнего дня. Рабочие уже стекаются к заводам, устраивают собрания и решают продолжать всеобщую забастовку. Требуют листков, а их пока нет. Все, что было, и старое, и новое уже разошлось. Предложил мне написать тотчас же коротенькую листовку, которую постараются тиснуть или будут просто читать на собраниях.

Относительно направления деятельности партийных организаций продолжали наш предшествовавший вечерний обмен мнений. По моему предложению деятельность наших членов должна была в этот день заключаться в том, чтобы призывать рабочие массы к братанью с солдатами. Товарищ Чугурин был настроен более примиренчески и соглашался со мной на том, что солдат нужно привлечь во чтобы то ни стало и как можно скорее, пока движение не пошло на убыль. Мы подробно остановились на том, как это нужно сделать, например, на Выборгской стороне по отношению к Московскому и другим полкам. Я предложил устраивать поблизости казарм, если нельзя прямо в самом казарменном дворе, летучие митинги, от имени которых обращаться к стоящим там солдатам. Находящимся внутри казарм пересылать записки или, еще лучше, направлять гонцов. Одним словом, всячески будоражить казармы, разрушить ту умышленную изоляцию войск от народа, которую практиковало офицерство.

[1]) Глава из вышедшей книги „Семнадцатый год“.

В заключение нашей беседы я набросал и передал товарищу Чугурину маленькую листовку. Привожу ее по сохранившемуся у меня черновику.

„Товарищи граждане, солдаты!

Царская власть привела Россию на край гибели. Страна разорена, народ обворован, мучается на фронте и в тылу. Нет хлеба, нет дров, нет угля, нет железа. Нечего есть, нечем работать, не на что жить. А власть Николая II своей душительской политикой старается увеличить все растущее горе.

В ответ на рабочие требования остановили заводы, тысячи выбросили на мостовую. Это произошло в Питере, Колпине и др. городах. В Москве, Нижнем и многих других местах закрывают заводы за отсутствием топлива и сырья. Черносотенная власть занята ограблением в тылу и на фронте, не способна дать народу хлеб и работу. Нас давят, не дают говорить, не дают писать, не дают собираться, чтобы обсудить, как выйти из великой беды.

Вот уже три дня, как замерла в городе вся трудовая жизнь. Рабочий люд не хочет больше терпеть насилия, грабежей, разрухи. На требования рабочих и нерабочих граждан Питера, заявленных демонстрациями по городу, ставленники самодержца-царя отвечают свинцом. Нашлись и палачи-солдаты для стрельбы по безоружной толпе. Пусть проклятие народа, сотен убитых, их жен и детей сопровождают всю жизнь их пьяную совесть.

Царская власть не способна удовлетворить нужды народные. Она ведет себя, как в завоеванной стране. Пользуется войной для укрепления трона. Тысячи томит по тюрьмам в каторге, ссылает в Сибирь, расстреливает на улицах.

Необходимо свергнуть эту власть!

Настало время решительной борьбы! Всеобщая всероссийская стачка—наше главное оружие. Для борьбы с конными и пешими народными палачами нам должны помочь наши друзья всех родов оружия. Пусть солдаты, наши братья и дети идут в наши ряды с оружием в руках. Тогда пробьет последний час Романовской монархии!

Долой царскую монархию! Да здравствует Народная Республика! Всю помещичью землю — народу! 8-часовой рабочий день—рабочему люду! Да здравствует Российская Социал-Демократическая Партия!

Да здравствует Временное Революционное Правительство! Долой бойню!"

Получив листок, т. Чугурин быстро исчез. Заходившие немного позднее товарищи с завода Айваза, Эриксона, Лебедева и кое-кто из Выборгского Районного Комитета сообщали, что по заводам идут митинги, принимаются решения продолжать борьбу до полной победы над царским правительством. Кое-где происходили братанья рабочих с солдатами. О возобновлении работ никто и не думал. Все помыслы были направлены на борьбу. Из других районов сообщали, что митинги, общезаводские собрания всюду прошли с громадным воодушевлением. Работа производилась неполностью только в некоторых мастерских военного характера. Из городского района извещали, что Орудийный завод (на Литейном проспекте) также продолжал работать. Снять рабочих не могли, так как район находился под охраной.

Между десятью и одиннадцатью часами утра на явку вновь буквально прибежал т. Чугурин и от имени Выборгского Районного Комитета перед'явил мне требование рабочих добыть им немедленно оружие и тут же заявил, что в противном случае все дело погибнет. Его взволнованный и возмущенный вид встревожил всех бывших в это время в нашей штаб-квартире.

„Что произошло?".

„В чем дело? Что его так волнует?".

„Почему дело гибнет?".

Чугурина засыпали вопросами. Все интересуются тем, что произошло там, в районе, что взволновало его и заставляет говорить о гибели всего выступления.

Из отрывочных фраз можно было уяснить лишь одно, что рабочие Выборгской стороны, руководимые нашими товарищами, взялись всерьез за дело „завоевания солдат". И партийные и беспартийные рабочие и работницы решили во что бы то ни стало об'единиться с солдатами. Решили и тотчас же приступили к делу. Устроили около казармы Московского полка митинг, который был разогнан пулеметным огнем. Нечто подобное же произошло и у Запасного полка, казармы которого соприкасаются с заводом „Новый Леснер". Стреляли офицеры. Эта неудачная попытка сближения с солдатами так озлобила наших товарищей, что они готовы были идти с револьверами против пулеметов и винтовок.

И на этот раз я ответил отказом содействовать созданию боевых дружин, предлагая им получить оружие у солдат в казармах и, разоружая городовых, добыть его в участках. Между нами завязался короткий, но решительный спор, в котором я настаивал на необходимости повторения попыток вовлечения в наши ряды солдат, не останавливаясь и перед жертвами. Только таким путем можно было „завоевать солдат" и побудить их к активной борьбе на стороне революции. Только через них можно было прочно завоевать вооружение для рабочих. Я еще раз повторил свои соображения на счет неосновательности надежд на боевые дружины. Вопрос решался не десятком револьверов, которые мог бы приобрести я, а присоединением к движению всей или наиболее активной массы солдат.

Долго спорить было некогда, и т. Чугурин, немного раздосадованный, поспешил к ожидавшим его районным товарищам. Не знаю, как отнеслись другие товарищи к моему ответу и предложению, но помню, что через пару часов к нам пришел неутомимый товарищ Чугурин, с винтовкой в руках и лентой патронов через плечо, весь перепачканный, но сияющий и победный. Наша взяла!

Он первый сообщил нам, что солдаты по частям, с оружием в руках переходят к нам. Кое-где рабочим удалось соединиться с солдатами, проникнуть в казармы и получить винтовки и патроны.

Добыв оружие, винтовки и патроны, рабочие Выборгской стороны, совместно с наиболее решительной частью солдат, наметили план действий. Ближайшей задачей вооруженных рабочих и солдат был захват полицейских участков, в которых засели вооруженные городовые, разоружение всех полицейских чинов, освобождение рабочих, сидевших в участковых казематах. Дальше предполагали двинуться к тюрьмам: „Крестам", „Предварилке", освободить сидевших там политических заключенных и развернуть борьбу с полицейскими отрядами в самом городе, соединиться со стоявшими там воинскими частями и рабочими других районов.

После т. Чугурина забегали еще товарищи и сообщали радостные вести о наших победах—появились броневики. Рабочие водрузили на них красные знамена и раз'езжали по району, приводя в изумление и ужас всех непокорявшихся

революции. Из других районов за утро вестей не было. Значило, что Выборгская сторона и в этом деле продолжала идти впереди.

После обеда двинулся в город, предполагая обойти другие части города или повидать товарищей других районов, чтобы иметь полную картину всего движения, чтобы быть в курсе всего, узнать, что делается в других кругах, чем располагают и что предполагают делать наши враги?

В Таврическом дворце [1]).

Рассказав Алексею Максимовичу Горькому и бывшим у него гостям о событиях, имевших место на Выборгской стороне, я решил направиться в Гос. Думу. Из Выборгского района по телефону сообщали, что кое-где рабочие выбрали депутатов и посылают их в Таврический дворец. Там предполагалось собрание депутатов и организация Совета Рабочих Депутатов. Идти в Таврический дворец вместе со мною выразили желание т.т. Тихонов и Суханов. С обоими я несколько раз встречался у тов. Горького, но был мало знаком.

Был уже шестой час, наступали сумерки, когда втроем мы вышли из квартиры тов. Горького. Ни в под'езде, ни у под'езда, ни у трамвайной остановки не видно было ни одного шпика.

В молчании прошли мы мимо Петропавловской крепости, перешли Троицкий мост и уже около Летнего сада встретили грузовики, переполненные вооруженными солдатами и рабочими. К одному из них я подошел и попросил их направиться к Охранному Отделению и занять его.

Вечерняя мгла покрыла Орудийный завод, около которого было много вооруженных винтовками рабочих и солдат. На углу Литейного и Шпалерной улицы, у горевшего здания Окружного Суда, стояли пожарные части. Из окон огромного, охваченного дымом, здания било пламя, освещая красным огнем огромную толпу любопытных, наблюдавшую безнадежные попытки пожарных утишить огненную стихию.

На перекрестке Захарьевской улицы Литейный проспект был забаррикадирован. Вдоль Литейного, в сторону Невского проспекта смотрели два пушечных жерла. Около орудий

[1]) Глава из вышедшей книги „Семнадцатый год".

стояли артиллеристы и на страже, с оружием в руках, рабочие и солдаты. За прикрытием, по углам Захарьевской, лежали ящики со снарядами. Несколько полевых орудий было выкатано из мастерских Орудийного завода и стояли в проезде, отделенные от снарядных ящиков. Вдали по Литейному слышалась беспорядочная ружейная перестрелка.

Первое укрепление и заставу революционных солдат и рабочих мы прошли безо всяких затруднений. Улицы этого аристократического, крупно-буржуазного района, примыкавшего к Таврическому саду, были малолюдны. В разных направлениях шли группы солдат. В районе Песков была слышна усиленная трескотня винтовок.

На углу Шпалерной и Таврического сада стоял грузовой автомобиль с установленным на площадке пулеметом. Около него находился вооруженный патруль. Здесь начиналась охрана подступов к зданию Государственной Думы.

Около Таврического дворца—большое скопление солдат. У входа в здание заседаний Государственной Думы происходила толкотня. Часовые с трудом удерживались на ногах от давления с обеих сторон. В дверях, среди толпы потерял своих спутников и поиски собравшихся делегатов делаю уже в одиночестве. У некоторых дверей стояли воинские посты, кажется из 1 Запасного полка. В Екатерининском зале было много солдат, интеллигенции, из которой выделялись депутаты 4 Думы, державшиеся, как „у себя дома". Рабочих не было видно.

Прошел Екатерининский зал и через него в комнату № 11, в которой встретил суетившегося Н. Д. Соколова. В следующей комнате № 12, на длинном столе лежали нарезанные из красного сатина ленты. Кто-то из присутствовавших подвел меня к этому столу и нацепил на рукав моего пальто красный бант.

Направо от входа стоял стол, за которым я увидел группу стоявших рабочих и интеллигентов, среди которых узнал Хрусталева-Носаря, Гвоздева. Оказалось, что это были оборонцы всех мастей, освобожденные в этот день из Крестов.

Н. Д. Соколов познакомил меня с Эрлихом, отрекомендовавшимся бундовцем. Последний также выказывал большую расторопность, бегая из одной комнаты в другую. В комнату приносили стулья, приспособляли ее для заседания. Из рабочих

районов не видно еще никого, не видно наших партийных товарищей, членов Бюро Центрального Комитета.

Собравшиеся поговаривали о том, что следовало бы находящимся здесь взять на себя инициативу учреждения Совета Рабочих Депутатов и выбрать руководящий центр, могущий быть всеми признанным.

Я предложил не спешить с учреждением Совета и подождать для этого представителей рабочих районов, Н. Д. Соколова убедил в необходимости приступить к открытию не иначе, как при наличии двух—трех десятков представителей от рабочих. Большего в этот день невозможно было и ожидать. Согласились повременить пару часов, а этим временем приспособить комнату к открытию заседания Совета.

Оставшееся до открытия Совета время я постарался использовать для предупреждения наших товарищей об ожидавшемся открытии. Телефоны работали слабо и мне с большим трудом удалось позвонить кое-куда и предупредить товарищей, пригласить их в Таврический дворец.

Однако, ожидать большого наплыва наших представителей от фабрик и заводов не приходилось, так как большинство товарищей было занято уличной борьбой. Еще во многих местах города приходилось вести бой с засевшими в засадах городовыми. В некоторых казармах заперлись верные царю офицеры и отбивались пулеметным огнем. Наиболее активные товарищи были в рядах тех, которые добивали остатки сопротивляющегося царизма.

Освобожденные из тюрем, участков и Охранного Отделения наши партийные товарищи, в том числе и члены Петербургского Комитета, тотчас же встали на партийную работу. В то время, когда оборонческие элементы и радикальная мелко-буржуазная интеллигенция спешили в Думу, в надежде на получение „исторических ролей“, становились бок-о-бок со своими буржуазными друзьями из прогрессивного блока, наши товарищи продолжали руководить уличной массовой борьбой рабочих и солдат и работать среди них, раз'ясняя им значение и смысл происходящего.

Комната, в которой предполагалось открытие Совета Рабочих Депутатов мало-по-малу наполнялась делегатами и интеллигентской публикой. Особенно много было интеллигенции, искавшей мандатов в качестве представителей

в Совет. Во избежание переполнения комнаты, пришлось поставить часового и отдать распоряжение о пропуске только представителей заводов, фабрик и организаций. Появились в Таврическом дворце многие из „бывших“, игравших когда-то некоторую роль в нашей Р. С.-Д. Р. П., но отошедшие за последние годы в известность. К победившим рабочим и солдатам потянулись все, до этого дня чуравшиеся их борьбы, а теперь наперерыв предлагали свои услуги в качестве „вождей“. Освобожденные из тюрьмы представители „Рабочей Группы“ Центр. Военно-Пром. Комитета использовали свой аппарат для мобилизации своих представителей в Таврический дворец. Думская социал-дем. фракция Н. С. Чхеидзе так же собрала весь цвет меньшевизма. К. А. Гвоздев, выйдя из Крестов, сумел дать на некоторые заводы „своим ребятам“ телефонограмму о собрании Совета на 7 часов вечера.

Время приближалось к девяти часам. Несколько десятков рабочих представителей от фабрик и заводов разместились на приготовленных местах. Среди них, поближе к тем, в которых я „чувствовал“ своих единомышленников, занял местечко и я. Среди окружающих „зрителей“ вижу товарищей В. Молотова и П. Залуцкого и знаками прошу их подойти поближе ко мне, имея в виду возможную необходимость совещания.

Открытие Совета Рабочих Депутатов [1]).

В конце девятого часа вечера, в комнате № 12 собралось человек сорок—пятьдесят рабочих, представителей от различных районов. Никакой проверки прибывших делегатов не было. Не было также и никакой регистрации представителей. Большинство, если не все поголовно, имели „устные“ мандаты, без всяких удостоверений от заводов. Да и кто же мог проверять? Предполагалось всеми, что сегодняшнее собрание является инициативным, а настоящее с нормальным представительством мыслилось впоследствии.

Кто мог, спешил занять место. Около стола группировалась оборонческая компания, во главе с К. А. Гвоздевым. Ни Чхеидзе, ни Керенского или кого-либо из депутатов Государственной Думы не было видно ни за столом, ни среди беседующих групп.

[1]) Глава из готовящейся к печати книги „Семнадцатый год“.

Рабочие делегаты, пришедшие из районов, требовали скорейшего открытия заседания, так как все спешили в свои районы. Никому из рабочих не хотелось оставаться в этих стенах, вне массы, вне борьбы. Еще не чувствовалось, а еще менее понималось, что борьба с улиц переносится в стены Таврического дворца.

Мысль об устройстве фракционного, чисто большевистского совещания пришлось покинуть, в виду крайне малого числа единомышленников, пришедших сюда. Другие партийные группировки, очевидно, были не в лучшем состоянии, так как вели дело по „беспартийному".

Открытие первого заседания первого Петербургского Совета Рабочих Депутатов произошло коллективно, сумбурно, одновременно целой группой лиц, в которой были Н. Д. Соколов, К. А. Гвоздев, Эрлих, Панков и другие, имена коих не сохранились в моей памяти. Наконец, Н. Д. Соколову удалось уже одному открыть собрание и предложить избрать председателя.

Некто из группы оборонцев-меньшевиков, стоявших прочной стеной за столом, выдвигает кандидатуру „бывшего председателя Совета Рабочих Депутатов в 1905 году товарища Хрусталева-Носаря". Многие из присутствовавших рабочих не были осведомлены относительно после-революционной деятельности Хрусталева-Носаря и, в общем сумбуре, при поддержке меньшевиков-оборонцев, пришедших на это собрание всей своей рабочей и нерабочей группой, этот господин мог бы пройти в члены Исполнительного Комитета. Не зная настоящего политического лица Хрусталева, рабочие могли принять его кандидатуру, как желанную, напоминавшую им одну из славных страниц исторической борьбы Петербургского пролетариата. Но был бы величайший позор для Питерского пролетариата, если бы он допустил избрание в свой центр одного из позорнейших ренегатов.

Чтобы не допустить этого позора, я вношу предложение избирать не только президиум, но весь деловой, руководящий орган, тут же названный „Исполнительным Комитетом." Николай Дмитриевич Соколов, очевидно понявший в чем дело, соглашается с моим предложением, и оно принимается без голосования. Тут же определяется временный, до завтрашнего заседания и состав Временного Исполнительного Комитета в 11 человек. Приступили к намечению кандидатов.

И опять то же лицо из оборонческих кругов выдвинуло первым имя Хрусталева-Носаря. Н. Д. Соколов, как послушный председательствующий, поставил было эту кандидатуру на голосование, но я потребовал слова по поводу этой кандидатуры.

Прежде всего, я выразил свое удивление и негодование по поводу того, что один из ренегатов социализма, ставший сотрудником „Нового Времени", клеветник и антисемит, присутствует на открытии первого боевого революционного рабочего органа, и не просто присутствует, как зритель, а как почетный член собрания. От имени Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) потребовал немедленного исключения Хрусталева-Носаря из состава учредителей Совета Рабочих Депутатов, а не голосования его в состав Временного Исполнительного Комитета.

Кроме этого, я предложил проверить присутствовавших и выяснить, кто имеет право и честь быть среди инициаторов, учредителей Совета.

Оборонцы встретили мое выступление крайне враждебно, но никто не осмелился выступить в защиту ренегата. Мои предложения, „как наиболее радикальные", ставились на голосование первыми и получили 33—35 голосов, т. е. около $^3/_4$ голосов присутствовавших делегатов. Против предложений голосовали человек десять оборонцев.

Мандатная комиссия была избрана в количестве троих: Н. Д. Соколова, Эрлиха и К. А. Гвоздева. Для проверки присутствующих был об'явлен коротенький перерыв. Проверка происходила в соседней № 11 комнате и продолжалась не более четверти часа. Делегатов от рабочих было человек 40—45, не больше. Хрусталев-Носарь был устранен, но по открытии собрания потребовал было слово для об'яснений. Однако, собравшиеся рабочие не пожелали его выслушать и своими разумными протестами предупредили председательствующего, намеревавшегося запросить собрание, угодно ли ему выслушать Хрусталева.

После исключения Хрусталева-Носаря, меньшевики выдвинули Н. С. Чхеидзе, социалисты-революционеры (Сурин и др.)— А. Ф. Керенского, кто-то поставил кандидатуру М. Скобелева. За этими именами пошли выдвижения „с мест", в случайном, неорганизованном порядке. Ставились на голосование эсэры, П. Александрович (Пьер Ораж), К. А. Гвоздев. Наши товарищи

выдвинули пишущего эти строки, работавшего тогда под фамилией Александра Беленина, а я лично поставил на голосование кандидатуру рабочего Петра Залуцкого. Моя кандидатура была вызовом для оборонцев, и они голосовали против, но тем не менее я получил большинство голосов. Всего за меня голосовало человек 25. Из этого следует, что присутствовало делегатов и „правомочных" инициаторов не более 45 человек. Н. Д. Соколов, которого до этого времени считали большевиком, был выдвинут нашими товарищами. Меньшевики (инициативная группа) выдвинули Гриневича и рабочего-металлиста Панкова. Эсэры пожелали выдвинуть в Исполнительный Комитет тоже одного рабочего и провели Сурина (от Айваза), оказавшегося агентом охранного отделения. Всего, таким образом, было выбрано 11 человек. При этом было принято, что настоящие выборы произойдут на другой день, на полном и более правомочном собрании Совета Рабочих Депутатов. Время созыва определили на 12 часов дня 28 февраля.

Вслед за выборами Временного Исполнительного Комитета я вношу предложение усилить Исполнительный Комитет введением в него партийного представительства. По этому вопросу я успел перекинуться своими соображениями с т. П. Залуцким и В. Молотовым и сделал его от имени Бюро Центрального Комитета. Предложение не встретило ни принципиальных, ни деловых противников и было принято без голосования. Далее я внес уже детальные дополнения к основному, только что принятому решению о количестве и порядке представительства. После краткого обмена мнений, было принято, что три политические партии: 1) Р. С.-Д. Р. П. (большевиков), 2) Р. С.-Д. Р. П. (меньшевиков) и 3) П. С.-Р.,— посылают с решающим голосом по три делегата каждая. Из этих трех одно место обязательно должно быть предоставлено Петербургским Комитетам партий. Кроме того, каждая национальная организация этих трех партий имеет право послать по одному представителю, также с правом решающего голоса.

Внося это предложение, мы считали нужным усилить партийное влияние во Временном Исполнительном Комитете, в который стремились всевозможные господа, независимые от социализма и революционных рабочих организаций. Быть

представителем победоносного революционного пролетариата было и лестно, и выгодно. И если в тяжелые времена подпольного житья и борьбы мы чувствовали, как многие из интеллигентов, „бывших" членов партии, сделавшись директорами заводов, ушедшие на службу в союзы городов и земств, делали все, чтобы никто не напомнил им о прошлом, то в эти дни им было выгодно взять обратное направление,—спекулировать на „грехах своей молодости"!

Покончив с организационными вопросами связанными с выборами Исполнительного Комитета, собрание заслушало краткое сообщение о продовольственном положении города. Положение в этой области отнюдь не было катастрофическим. Было выяснено, что общественные организации (главным образом, союзы земств и городов), а также интендантство, имели значительное количество продуктов питания. Собрание решило использовать для питания армии и населения все как интендантские, так и общественные и частные запасы продовольствия. Для проведения этого постановления в жизнь, а также и для организации всего дела снабжения продовольствием города, была образована продовольственная комиссия, во главе с тов. Громаном.

Следующий вопрос, также поставленный и решенный Советом в спешном порядке, был вопрос об издании „Известий". Питер уже три дня не видел печатного, даже уродливого слова, а революция вызвала такой живой интерес ко всему происходившему даже у обывательских элементов. По улицам ходили огромные толпы собирателей новостей и слухов. Выходивших из Таврического дворца осаждали, требовали сообщений о ходе революционного движения как в самом городе, так и в провинции и в армии и отпускали только после удовлетворения просьб толпы. Совет решил немедленно приступить к печатанию своей газеты „Известий", заняв для этой цели лучшую типографию в городе. Все это дело издания и связанная с ним реквизиция типографии было тут же поручено троим социал-демократам—Б. В. Авилову, работавшему тогда с нами, В. Д. Бонч-Бруевичу, владельцу книгоиздательства „Жизнь и Знание", и Ю. Стеклову. Все трое находились среди гостей в комнате заседания Совета. Все дали свое согласие и немедленно отправились организовать порученное им дело.

Во время обсуждения вопроса о печати появились в собрании Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенский, М. Скобелев. Очевидно, они были на заседании Комитета Гос. Думы. Н. Д. Соколов передал председательствование Чхеидзе.

После решения вопроса об издании своей газеты, я поставил вопрос о работе в районах. Старая власть была разрушена, и Совет должен был дать указания, как рабочим организоваться в районах. Однако, детально обсуждать этот вопрос делегаты не хотели, так как все спешили вернуться в свои районы, но поручили Исполнительному Комитету послать в каждый район своих полномочных представителей для организации рабочих и местных органов власти. Во время обмена мнений по этому вопросу впервые было пущено в ход слово „комиссар". Рабочие представители спешили в свои районы, первое заседание первого Совета рабочих Депутатов, учредителей великого революционного органа Питерского пролетариата на этом закрылось. Следующее заседание было назначено на другой день, т. е. на 28 февраля, в 12 часов дня, в Таврическом дворце.

Первое заседание Исполнительного Комитета [1]).

Тотчас же после закрытия заседания Совета Рабочих Депутатов, начал свои действия Временный Исполнительный Комитет. Первое заседание первого Исполнительного Комитета состоялось в соседней с № 12 комнате, отделенной занавеской от той, в которой только что заседал Совет.

Перед открытием заседания Исполнительного Комитета мы, трое членов Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (П. Залуцкий, В. Молотов и пишущий эти строки, вошедший в Исполнительный Комитет под кличкою А. Беленина), устроили маленькое совещание. На совещании мы кратко наметили наш план действий—выдвигать мероприятия, обеспечивающие победу революции и дающие возможность немедленной организации рабочих вокруг Совета. В. Молотова решили ввести в Исполнительный Комитет от Бюро Ц. К., одно место предложили Петербургскому Комитету, но в тот вечер он не мог им воспользоваться. Третье место у нас оставалось в запасе, за отсутствием подходящего кандидата, мы решили использовать его по приезде к нам подкреплений.

[1]) Глава из вышедшей книги „Семнадцатый год".

Заседание Временного Исполнительного Комитета открыл Н. С. Чхеидзе. К порядку конструирования Исполнительного Комитета я заявил, что Бюро Центрального Комитета вводит в его состав т. В. Молотова. Вслед за этим поступило аналогичное заявление от инициативной группы, вводившей в Исполнительный Комитет Соколовского или Капелинского. От имени Международного Комитета Р. С.-Д. Р. П. была внесена просьба дать представительство их Петербургскому Комитету. В виду того, что „межрайонцы" стояли на родственной с нами платформе, мы поддержали их, и один представитель от них был допущен в состав Исполнительного Комитета. Мандат на представительство „межрайонки" имел товарищ Юренев.

А. Ф. Керенского и М. И. Скобелева на заседании Исп. Комитета не было.

В порядок дня заседания были внесены нерешенные Советом вопросы, как-то: об организации районов, а также вопрос о вооружении рабочих, внесенный мною от имени Бюро Ц. К. и делегирование представителей в Военную Комиссию при Комитете Г. Думы.

По вопросу об организации районной власти было решено назначить членов Исп. Комитета и других лиц, по рекомендации членов Исп. Комитета, в качестве „комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда". Тотчас же состоялось назначение, и мне был поручен Выборгский район. В соседний—Лесной район был назначен социалист-революционер Сурин. На пост комиссара Петербургской стороны социалисты-революционеры выдвинули Пешехонова, как жившего там и знавшего хорошо район. Комиссары обязаны были образовать районные комитеты.

По вопросу о вооружении рабочих были небольшие прения, но в общем вопрос прошел без особых разногласий, постановили вооружить десять процентов Питерских рабочих. Мне было поручено выступать по всем вопросам, связанным с делом вооружения рабочих и организации милиции.

После переговоров с представителями районов были намечены сборные пункты для вооружения рабочих и неприкрепленных к казармам солдат. За эти дни борьбы в Питере оказалось очень много солдат, отбившихся от своих частей или пришедших из ближайших к Петрограду городов и местечек. Для Выборгского района было отведено помещение

Общества Потребителей и больничной кассы завода Парвиайнен. Петербургский—назначил место сбора в бирже труда, по Кронверскому проспекту. Василеостровский район тоже выбрал помещение местной биржи труда, на 13 линии, д. 46. Рождественский (включая Пески—Смольный) район устроился в столовой местного попечительства по Мытнинской улице. Рабочий район Невской заставы об'явил местом сбора вечерние классы для рабочих в с. Смоленском. Нарвский район выбрал помещение больничной кассы Путиловского завода.

За работой Военной Комиссии рекомендовалось наблюдать всем членам Исполнительного Комитета, кроме того, послать туда для связи Н. Д. Соколова и П. Александровича (социал-революционер-интернационалист).

Во Временный Комитет Гос. Думы делегировали Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенского. Оба они были членами этого комитета, но приняли на себя представительство и от Исп. Комитета. Давая мандат на представительство, Исп. Комитет поручил им следить за тем, чтобы ни одно мероприятие, ни одно решение правительственного характера не исходило без ведома Исп. Комитета Совета Рабочих Депутатов. Они должны были наблюдать за деятельностью Комитета Государственной Думы и не допустить до того, чтобы господа Милюковы и Родзянко, за спиной восставшего народа столковались с остатками царизма.

Несмотря на бурлившее настроение, всеобщий энтузиазм, первое заседание первого Временного Исп. Комитета отличалось деловитостью и отчетливостью. Пока дело шло о технических средствах и способах укрепления революции, между нами, представителями различных политических партий и групп, разногласий в этот день не было. Но мы не скрывали и не боялись появления наших старых разногласий, разделивших во время войны единый международный социализм на два враждебных лагере.

Н. С. Чхеидзе во время заседания держался растерянно-молчаливо, машинально ставил на голосование то или иное предложение. Казалось, что происшедшее падение царизма и торжество революции пришибло его своей быстротой и грандиозностью. Он очень часто исчезал из комнаты заседания Временного Исполнительного Комитета. О каком-либо влиянии его на решения Исполнительного Комитета или

руководстве событиями через этот революционный орган не могло быть и речи. Его растерянный вид, ответы невпопад говорили красноречиво о том, что претензий вождя или партийного руководителя он в тот день не имел.

Несмотря на сравнительное единодушие в работе Вр. Исп. Комитета за первый день, все же мы, большевики, могли определить, что в этом составе Исп. Комитета можем располагать поддержкой лишь небольшого числа его членов. Кроме нас троих, голосовали и поддерживали нас меньшевик-интернационалист Панков, эсэр П. Александрович, представитель „междурайонки" Юренев. Из остальных в этот день были с нами Н. Д. Соколов и Гриневич. Последний рекомендовал себя интернационалистом.

Очень поздно, под утро следующего дня, Исп. Комитет закончил заседание, но не исчерпал порядка дня. Все время заседания приходили различные делегаты и делегации с докладами и требованиями директив. Было постановлено подыскать для приема делегатов особую комнату и установить очередное дежурство членов Исп. Комитета.

По окончании работ Исполнительного Комитета было устроено совещание районных комиссаров. Все комнаты были заняты, и нам удалось найти место на „галерке" в зале заседаний Г. Думы. В совещании приняли участие человек пять-шесть. На нем мы обменялись мнениями по вопросу об организации власти в районах. Опыта у нас еще не было, а потому совещание носило теоретический характер и было посвящено, главным образом, вопросу о том, как провести в жизнь постановление об организации вооруженных сил и „обеспечения" революционного порядка в столице.

Кому-то из членов Исп. Комитета было поручено организовать при нем канцелярию, и в ту же ночь был создан маленький аппарат. В канцелярии появился шрифт „карманной типографии" из каучука, из него была скомбинирована печать Временного Исполнительного Комитета.

После закрытия заседания Исп. Комитета и совещания районных комиссаров мы, „большевистская тройка" Исполн. Комитета, устроили совещание нашего Бюро Ц. К. Нас волновал вопрос о том, как пройдут выборы в Петроградский Совет. Собрание делегатов-учредителей показало нам, что наши товарищи увлеклись боевыми задачами и упустили

выборы. П. Залуцкому поручили снестись с Пе-Ка и побудить его к большей активности. В Таврическом дворце решили организовать постоянную „явку“: дежурство секретаря или членов Бюро Ц. К. Мне было поручено сговориться с Е. Д. Стасовой в целях использования ее для этой работы. Со всех сторон ожидали мы в ближайшие дни подмоги партийными силами. Сами мы „нелегалы“, как члены Бюро Ц. К., так и работники Пе-Ка, были основательно потрепаны нелегальным житьем. Я лично жил в Питере с конца октября 1916 года, не имея постоянного „своего“ угла, ночуя изо дня в день по ночевкам. Не в лучшем положении были и другие. Наши же противники, не знавшие нелегальной работы и жизни, вошли в работу громадными свежими силами. Наши надежды на пополнение были на освобожденных из тюрем, ссылки и на прибывших из-за границы.

Во время нашей беседы ко мне пришел дежурный от телефонной будки и сообщил о нападении на квартиру А. М. Горького. Кто сообщал неизвестно. Окончив наше совещание вероятно часу в пятом утра, я решил отправиться на Кронверский проспект осведомиться о положении Горького. По выходе из Таврического дворца, несмотря на темноту, раннее утро и порядочный мороз, около дворца было очень много вооруженных солдат. Я обратился к стоявшим кучкам солдат с вопросом, имеются ли здесь автомобили. Ответили утвердительно, и, пропуская меня вперед, повели к выходу, у которого стоял крытый автомобиль. Разбудили шоффера. „Чей автомобиль?“—спрашиваю я. „Военного министра Беляева“,—ответил проснувшийся шоффер.

Сообщив шоффферу, что являюсь членом Исполнительного Комитета, приказал завести машину.

„Кто из вооруженных согласен ехать на Петебургскую Сторону“, спросил я стоявших около автомобиля солдат. Отвечают согласием десятки голосов, не спрашивая—куда и зачем, предложили свои услуги. Троих впускаю в автомобиль, а двое легли у подножек на стороны, вытянув винтовки вперед.

Был уже пятый час утра, когда мы отправились на Кронверский проспект. Несмотря на раннее утро, город не спал. По улицам, во всех направлениях, бродили группы вооруженных и безоружных людей. Наш автомобил останавливали в пути несколько раз, предлагая сообщить новости о ходе революции.

Кроме победного шествия революционного движения по всей стране сообщать было нечего, и эти успехи чрезвычайно радовали всех и в ответ нам кричали „ура!“ и пели „Марсельезу“.

Кое-где к нам подходили переодетые полицейские чины, дрожавшие от холода и страха, просили арестовать их и спасти от самосуда или указать, куда они могут направиться для ареста. Указывали Таврический дворец и Михайловский манеж, как место, куда могут идти и там сдаться.

На Кронверском проспекте все было спокойно. Однако, солдаты, узнавшие причины моего беспокойства, заинтересовались судьбой А. М. Горького и просили меня подняться к нему и узнать об его положении. Звоним. Швейцар медлит открывать, но, увидя штыки, стал торопиться. Все поднялись на верхний этаж. В квартире А. М. Горького все было спокойно, и мы тотчас же вернулись обратно в Таврический дворец.

Шоффер министерского автомобиля просил освободить его от работы, так как он провел весь день и всю ночь на автомобиле и больше работать не в состоянии. Отпустили его, но без автомобиля. О принятии в ведение Исполнительного Комитета его автомобиля выдали расписку. Тут же в толпе солдат нашлись двое автомобилистов, согласившихся заменить ушедшего.

Таврический дворец гудел, как пчельник. Люди толпились, спорили, делились уличными победами, вспоминали удалые моменты. Несмотря на ранний утренний час, здание Г. Думы все наполнялось и наполнялось народом. Екатерининский зал напоминал военный „бивуак“, огромную спальню, где расположились на отдых, положив под головы винтовки или сумки, солдаты Петербургского и окрестных гарнизонов, отбившиеся от своих частей. Вся эта вооруженная солдатская масса была действующей революционной частью в эту ночь на 28 февраля. По первому требованию Исп. Комитета или Военной Комиссии быстро строились отряды охотников, боевые отряды для вышибания полицейских из засад, патрули для разгона хулиганов и ареста контр-революционеров или, как тогда еще называли, приверженцев старого режима.

Таврический дворец с 27 февраля стал не только территориальным, но уже и идейным центром революции. Для собирания наших сил нужно было переносить и нам подпольный центр в здание Г. Думы. Это предстояло сделать немедленно.

Первое пленарное собрание Советов.

Людно и шумно в стенах и за стенами Таврического дворца. Размеренный топот, лязг оружия, медноголосые звуки „Марсельезы", речи, призывы, крики „ура", — все смешалось и катилось из одного конца громадной Екатерининской залы в другой. С самого раннего утра к Таврическому дворцу тянулись серые колонны воинских частей. Дворец напоминал в эти часы огромный военный бивуак.

Около полудня, назначенного часа заседания Совета Рабочих Депутатов, на сером фоне массовых посетителей Таврического дворца появились черные пальто. В одиночку и группами начали прибывать представители фабрик и заводов. Все направлялись в те комнаты, где расположилась канцелярия Исполнительного Комитета. Заседание Совета решили устроить в комнате № 11, могущей вместить пару сотен депутатов и, путем открытия двери в соседнюю комнату, использовать ее для тех, кому не хватит места в первой.

Единственным помещением в Таврическом дворце, приспособленным для массовых собраний, был зал заседаний Государственной Думы. Но этот зал, вернее, его хоры был отведен для содержания арестованных чинов царского Правительства. Поэтому этим залом нельзя было пользоваться для собраний. Возможно, что это было сделано умышленно, чтобы не допустить использования этого помещения для устройства митингов и собраний. Государственная „мудрость" Комитета Г. Думы была именно такого свойства, что допускала подобное предположение. И первому собранию пленума Совета Рабочих Депутатов пришлось состояться в неприспособленных для этого маленьких комнатах.

После 12 часов дня комната № 11 забивается пришедшими депутатами-рабочими. К дверям становятся часовые, на обязанность которых возлагается контроль над проходящими. Эта задача была крайне трудная, так как ни Совет, ни Исполнительный Комитет не имел никаких однообразных билетов или мандатов, и часовой превращался в простого привратника, растворявшего дверь и не допускавшего простого хождения.

В первом часу дня Н. С. Чхеидзе открыл заседание Совета. Первым был заслушан доклад Исп. Комитета о своей

работе. Доклад свелся к простой информации собравшихся относительно того, как произошло накануне в соседней комнате инициативное собрание и был выбран Исп. Комитет. По докладу были выступления, но значительная доля их не имела прямого отношения к отчету. Выступали солдаты, представители некоторых полков, с приветствиями и поздравлениями с „победой народа". Благодаря этим выступлениям, заседание Совета быстро превратилось из делового в митинговое. Хотя порядок дня и был принят, но выступавшие, особенно представители воинских частей, не могли сдерживать своих чувств и, под громовые аплодисменты битком наполненной залы, излагали корявыми словами свои красивые, пробудившиеся чувства солидарности всего трудового народа.

Несмотря на страшнейшую тесноту, жару и духоту, собрание не уменьшалось и настроение не понижалось. Председатель уже не руководил собранием, оно плыло захваченное великим энтузиазмом и минутами торжественного единения революционных рабочих и солдат. Все же отчет Исп. Комитета был обсужден. Состав Временного Исп. Комитета был утвержден, и, кроме того, Совет решил пополнить его тремя-четырьмя представителями „левого направления".

Около Таврического дворца раздается пулеметная пальба. Звуки выстрелов проникают и в комнату собрания, долетают и до чутких ушей солдат. Моментально создается паника, люди бросаются сплошною массою к дверям, волной выкатываются в Екатерининский зал. Солдаты, находившиеся в этой огромной зале, также стремились к выходу в различные направления. Некоторые бросились бить окна, выходящие в сад, намереваясь выпрыгнуть через разбитые стекла.

Во время паники я стоял недалеко от председательского стола, хлынувшие к выходу буквально вынесли меня в Екатерининский зал. В Екатерининском зале раздался крик, что „Государственную Думу расстреливают". Члены Исп. Комитета успокоили Совет, а мы, выжатые из комнаты, где заседал Совет, устыдили тех солдат, которые готовились уже вылезти в сад через разбитые окна. Эта паника показывала, насколько тревожно и неуверенно было настроение солдатской массы. В то же время этот панический случай заставил нас обратить более серьезное внимание на охрану Таврического дворца и входа в него. Произведенным тотчас же расследованием

было установлено, что какая то патрульная или караульная волинская часть произвела около Таврического сада „пробу“ своего пулемета. Паника скоро улеглась и суматоха в Екатерининском зале пошла своим чередом.

После успокоения попытался пробиться вновь в глубину заседания Совета, но безуспешно. Плотная стена депутатских спин решительно сопротивлялась. Комната была настолько плотно набита людьми, что люди стояли, не имея возможности даже свободно повернуться, не потревожив своих соседей.

Кто-то вносит предложение о воззваниях к народу, к офицерам и т. д. Все принимается без прений, без голосований. Пытаются поставить вопрос о возобновлении работ, о движении трамвая, но это встречает единодушный отпор, и, как несвоевременное, отклоняется.

Докладчик от Продовольственной комиссии сообщает о благополучном положении дела с хлебными продуктами, предлагает установить контроль над товарным движением железных дорог, а также согласование движения с нуждами снабжения фронта и столицы. Все предложения комиссии проходят, не встречая возражений, и все нужные полномочия даются.

Первый пленум Петербургского Совета оставил в памяти весьма сумбурное впечатление. Праздник революции, победа народа, как говорили тогда, отвлекала его от задачи непосредственного руководства теми событиями, которые развертывались в стране. И деловая работа из Совета автоматически переносилась в Исполнительный Комитет.

Лица „левого направления“ в Исполнительном Комитете.

После окончания заседания Совета Рабочих Депутатов, собрался Исп. Комитет. Заседание его было перенесено из комнаты с занавеской в другую, более просторную, имевшую два выхода и удобный длинный стол.

На этом заседании, третьем по счету, появился целый ряд новых членов. Петербургский Комитет прислал своим представителем Демьянова (К. И. Шутко), Бунд был представлен Эрлихом, от эсэров появился, кажется, Зензинов, от нар. соц.—А. В. Пешехонов, от трудовиков—Л. М. Брамсон, от меньшевиков были Б. Богданов, Батурский. Кроме того,

в качестве „лиц левого направления“ вступили в Исполнительный Комитет Н. Суханов (Гиммер), Ю. Стеклов (Нахамкес), Красиков-Павлович, Соколовский и, кажется, Капелинский.

Некоторые члены Исп. Комитета, в том числе и пишущий эти строки, были очень удивлены появлению в Исп. Комитете Суханова, Стеклова и Красикова. Суханов принадлежал к тому кругу радикальной интеллигенции, которая об'единялась вокруг А. М. Горького, и был известен в этой среде, как противник войны и, пожалуй, считался „пораженцем“. Ю. Стеклова знали по изданиям „Прибой“, считали, по прошлому, большевиком. Красикова-Павловича считали также большевиком. Относительно того, как были выбраны они в Исп. Комитет, никто толком не знал. В Исп. Комитете сообщили, что они добавлены на пленуме Совета, в качестве представителей „левого направления“.

По поводу появления новых членов, особенно с большевистским прошлым, мы, члены Исп. Комитета — большевики (Демьянов, Залуцкий, Молотов и я) тут же обменялись мнениями и решили держаться по отношению к ним выжидательной тактики. Ближайшие дни должны были показать на деле, с кем пришли эти „лица левого направления“ [1]) в Исполнительный Комитет и с кем намерены они идти. До этого времени дело шло лишь о мероприятиях технического и организационного порядка, в обсуждении которых хотя и было разномыслие, но остроты и принципиального расхождения еще не наблюдалось.

Важнейшие вопросы политики были еще впереди, обсуждение их невидимо стояло в порядке дня. И по тому, кто и как будет относиться к вопросу о власти, о войне не на словах, а на деле и мы, будем определять свое отношение к ним.

В порядке дня заседания Исп. Комитета Совета стояли попрежнему и всегда „неотложные“, и никогда не кончаемые вопросы „обороны революции“. После окончания заседания Совета с Николаевского вокзала было получено сообщение о движении в Петроград воинского эшелона Георгиевских кавалеров под командою ген. Иванова, с контр-революционными намерениями. Некоторые члены Исп. Комитета быстро

[1]) Так были отмечены их выборы, опубликованные в № 2 „Известий“ от 2 марта 1917 года.

поддавались беспокойству, так как считали Питерские полки еще недостаточно организованными после переворота и поэтому мало способными к бою. Все же были приняты военные и агитационные меры. Но, к счастью, дело обошлось без столкновений. Солдаты, привезенные для подавления „беспорядков", присоединились к войскам и народу тотчас же по выходе из вагонов. Делегация Георгиевских кавалеров была в Исп. Комитете, и контр-революционная попытка сорвалась.

В Исп. Комитет приходили группами делегации от солдат, выбранные в Совет. Все были крайне взволнованы воззваниями и распоряжениями Комитета Г. Думы относительно офицеров. Вечером в одной из комнат Исп. Комитета собралось несколько десятков солдат различных полков и просили Исп. Комитет войти в положение солдат. Возвращавшиеся офицеры попрежнему повели работу по царскому уставу, с чем солдаты-революционеры мириться уже не могли. Многие солдаты высказывали опасения, что офицеры, вернувшиеся под влиянием распоряжений Комитета Г. Думы, будут мстить солдатам и поведут провокационную работу против революции, против завоеванных народом прав. Настроение было ярко анти-офицерское.

Исп. Комитет вынужден был поставить вопрос о солдатах и, в первую очередь, вопрос об организации солдат. В то время, как Комитет Г. Думы принимал энергичные шаги по об'единению офицеров, солдаты еще не были сплочены так, как этого требовало создавшееся положение. Среди членов Исп. Комитета возник спор относительно организации солдатской массы в Совет.

Около солдатских представителей увивались меньшевики и народные социалисты. Из первых большую активность развивал Богданов, он стремился изолировать и монополизировать солдат и подчинить их своему влиянию. По его следам пошел Ю. Стеклов. Из наших работал среди представителей войсковых частей П. Залуцкий, отстаивая идею общего Совета для рабочих и солдат. Эта идея создания общего Совета Рабочих и Солдатских Депутатов не встречала сочувствия и поддержки в рядах оборонческих групп. Все они боялись вовлекать армию в политическую борьбу, мотивируя свое отрицание различным образом. Одним из аргументов был тот, что Питерский гарнизон имел текучий характер, делегаты,

однажды выбранные, по уходе войск потеряют с ними связь и кончая откровенными соображениями о том, что включение солдат в состав Совета повлечет за собой агитацию и борьбу за армию со стороны всех партий, а это может разложить ее. Были и другие соображения, с виду более „принципиального характера“, в роде нежелания и недопустимости „засорять“ чисто пролетарский орган мелко-буржуазными элементами. Правые же оборонцы, не скрывая высказывали опасения, что революционная работа и политика может сделать армию небоеспособной, а поэтому и не спешили привлекать солдат в организацию.

Такое отношение оборонцев к делу организации солдат в политическую силу было чрезвычайно опасно. За влияние на гарнизон, на армию отчаянную борьбу вела буржуазия. Правда, последняя была слишком реакционна, чтобы суметь привлечь к себе крестьян, но тем не менее существовала опасность раскола внутри казарм и усиление неорганизованных действий и анархических настроений. Мы предлагали допустить солдат в Совет, пролетарская чистота его от этого, конечно, пострадает, но революция выиграет. Что же касается до „чисто пролетарских“ организаций, через которые рабочий класс может себя выявить, мы полагали, что такими могут и должны быть профессиональные союзы и партия. После долгих колебаний и, в значительной мере под давлением солдат, было постановлено организовать при Совете Рабочих Депутатов „Солдатскую секцию“. Была намечена и норма представительства—по одному на роту. Рабочие имели на каждую тысячу человек одного представителя, поэтому, когда выдвигали предложение одного представителя от солдат на каждую роту, имели в виду запасные полки, в которых роты были по 1000 и более солдат. На деле же получилось очень широкое представительство для солдат, т. к. многие воинские части и команды хотя и с малым числом солдат все же посылали по одному, а иногда и более представителю. И получилось огромное число солдатских представителей, в котором рабочие совершенно потонули.

Дипломатические ухищрения Богданова оказались неспособными сломить настойчивое требование солдатской массы на представительство в Совет. Тогда для обработки солдат в оборонческом духе ими были брошены многочисленные

силы. Б. О. Богданову и его коллегам-оборонцам удалось настроить солдат против большевиков, особенно в „штатском“ и на одном собрании, в одной из комнат Таврического дворца, мне, как большевику, солдаты не давали говорить, чему особенно радовались оборонцы-меньшевики.

Что же касается изменения правовых и бытовых условий казарменной, служебной и внеслужебной жизни солдат, то разработка необходимых мероприятий была поручена группе представителей гарнизона, взявшей на себя инициативу организации солдат. В этой группе солдат были товарищи, стоявшие на нашей точке зрения, как-то—Садовский, Падерин, Борисов и один матрос, фамилии которого не помню.

Сами мы мыслили внутреннюю организацию солдатской жизни по фабричному типу. Выборность начальников мы поддерживали, но не делали из этого принципиального вопроса. В отношении изменения правовых норм мы агитировали за отмену всех стеснений, связанных со словом „нижний чин“, а равно и уничтожение самого названия „нижний чин“. В этом направлении вели работу наши партийные товарищи. Солдаты особенно хорошо и доверчиво относились ко всем, кто носил серую солдатскую шинель, гимнастерку и сапоги. Одетых таким образом солдаты считали за своих и часто ошибались, попадали на удочки всяческим мобилизованным адвокатам, служившим в воинских канцеляриях и учреждениях, выбирали их как „своих“ в Совет.

Сдача власти [1]).

Еще вечером 28 февраля в Исп. Комитете в „частном“ порядке велись разговоры об организации Всероссийской власти, о составе правительства. Утром первого марта эти разговоры приняли уже определенную форму. Комитет Г. Думы „взял на себя“ почин организации правительства. Некоторые члены Исп. Комитета, как, например, Н. Суханов, Н. Д. Соколов, Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев, держали весьма тесную связь с Комитетом Гос. Думы и служили не только передаточным звеном между организацией буржуазии и революционной демократией, но и проводником многих „пожеланий“ буржуазии в самом Совете. Они принесли

[1]) Глава из вышедшей книги „Семнадцатый год“.

сообщение, что буржуазные партии решили, наконец, осчастливить революцию и взять власть в свои руки. Особенно волновался и радовался этому событию Н. Суханов.

К моменту обсуждения вопроса о характере и составе власти, положение в крупнейших городах, а особенно в Петербурге и в Москве, уже определилось. Революционное движение протекало в них настолько быстро и могуче, что никто не ожидал более, каких-либо серьезных контр-революционных сюрпризов и попыток стать на сторону Романовской монархии. Революция развивалась закономерно и совершалась по всей стране буквально с телеграфной скоростью. Старая самодержавная власть низвергнутая в центре, легко свергалась на местах. Власть выпала из рук старого правительства, говорил Милюков еще 28. Она не просто „выпала", а была выбита восставшим народом. Восставшие рабочие и солдаты не ждали, пока найдется добрый молодец, чтобы поднять эту „выпавшую власть", а забирали ее в свои руки, правда не всегда сознательно, не всегда организованно, но в этом направлении шло дело.

Первые заседания Исп. Комитета, как 27, так и в следующие дни, были заседаниями органа власти революционной демократии. И, казалось, что те лозунги, которые были выдвинуты нами в Манифесте Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. о Временном Революционном Правительстве, получают свое выражение в действиях и намерениях Исп. Комитета. Наш Манифест и его лозунги в те дни не только никем не опровергались, но даже и распространялись органом Совета. Поэтому мы встретили все разговоры о составе власти из недр Гос. Думы, как сдачу занятых революционной демократией позиций.

Вопрос о власти в виде предложения Комитета Гос. Думы был поставлен в порядок дня заседания Исп. Комитета еще днем, но ряд, как всегда „неотложных" вопросов оттеснил обсуждения его на самый конец. В течение дня было несколько попыток всесторонне обсудить создавшееся положение и принять решение по существу предложения Комитета Гос. Думы.

На заседаниях Исп. Комитета в этот день участвовало уже не менее двадцати членов. Протоколы заседания велись отрывочно, кажется, меньшевиком Капелинским. До обсуждения вопроса о власти, среди членов Исполнительного Комитета

в предварительных беседах уже наметились три основных линии: первая—социалисты не могут взять власти в эпоху буржуазной революции, вторая—поддерживаемая оборонцами,—социалисты должны войти в соглашение с буржуазией и принять участие в правительстве, и, наконец, третья—позиция тогдашних с.-д. большевиков, предлагавших взять дело управления страной в руки революционной демократии, путем выделения Временного Революционного Правительства из состава большинства Совета.

Выступал с видом государственного человека, свободного от партийной узости, Н. Суханов, предупреждая Исп. Комитет и особенно кивая в нашу сторону, что наша агитация может отпугнуть буржуазию и она не согласится взять власть. Из этого он делал вывод: не обострять отношений с Комитетом Гос. Думы, не вести „левой" (т. е. нашей анти-думской и анти-военной) агитации, иначе дело революции погибнет. Все эти пошленькие мысли сопровождались ссылками на то, что он все время был интернационалистом, сам разделяет наши взгляды, но считает агитацию за них преждевременной.

Меньшевики из Инициативной Группы, как Гриневич, высказывались пространно, пытаясь обосновать марксистски недопустимость участия социалистов в буржуазном правительстве. В общем все „социалистические" говоруны того времени рассуждали так: наша революция—буржуазная. В ее задачи входит освобождение страны от остатков феодализма, разрешение земельного вопроса и установление политических свобод,—эти задачи должна и сможет выполнить сама буржуазия. Социалисты же своим участием во власти могут повести к распространению в рабочих массах иллюзий социалистического характера, затем разочароваться, увидя, что их желания не получают удовлетворения и что напуганная красным призраком буржуазия откажется от ведения всех дел.

Немного было нас, членов Исп. Комитета, разделявших взгляды революционной социал-демократии о социальном составе Временного Революционного Правительства и о задачах социалистов в нашей революции. Из числа членов Исп. Комитета, приближавшегося к 30, нас было: А. Беленин, П. Залуцкий, В. Молотов, М. Демьянов (К. И. Шутко), солдаты: А. Падерин, Садовский и социалист-революционер П. Александрович (Пьер Ораж), да об'единенец Юренев. Только 8 человек

стояли за власть самой революционной демократии. Нам казались смешны страхи и опасения Н. Суханова по поводу того, что буржуазия откажется от власти. Из истории мы знали, что никакой класс добровольно от власти не отказывался. Наоборот, вся история говорила о том, что каждый класс отстаивал свою власть и не отдавал ее добровольно своему врагу. Что же касалось до нашей российской буржуазии, то уже по действиям Вр. Комтета Г. Думы мы могли судить о том, что она хочет власти и способна за нее бороться. Именно это стремление к власти толкало ее в оппозицию царскому правительству. Если же Милюковы, Коноваловы, Гучковы и К⁰ при разговорах с Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелевым, Н. Сухановым и жеманились, много говорили о тяжести власти и ответственности момента, так это делалось лишь для того, чтобы сделать более покладистыми представителей „революционной демократии", в виде Чхеидзе, Керенского и других, боявшихся революционной постановки вопроса о власти.

В нашем „Манифесте" Центр. Комитета, который составлялся еще до выборов в Совет и писался под ружейный и пулеметный гул, говорилось, что „рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во Временное Революционное Правительство". По существу так и происходило. Восставшие рабочие и солдаты посылали своих представителей в Совет, который избрав Исп. Комитет, располагал фактически всей полнотой власти и ему принадлежала вся реальная, наличная в Петербурге вооруженная и безоружная сила. Совет и его Исп. Комитет были действительными органами революционной власти, хотя и не приступали к овладению бюрократическими аппаратами государственной власти. Правда, проявление этой власти, благодаря господству мелко-буржуазного, неустойчивого большинства членов руководящего органа, находилось в постоянных колебаниях и противоречиях. Мелко-буржуазные вожди, окрашенные в социалистический цвет, стремились доктринерски и внешне формально сохранить свою принципиальную чистоту и непримиримость, — воздержание от власти во время „буржуазной" революции — на деле вступали в откровенный блок с буржуазией, передоверяя власть своим классовым врагам и врагам революции.

Благодаря наплыву всевозможных „неотложных“ дел, Исп. Комитет отодвигал все дальше и дальше обсуждение официального предложения Комитета Гос. Думы. Возможно, что эта оттяжка происходила по причине партийных совещаний меньшевиков и социалистов-революционеров. Из отрывочных бесед и обмена мнений было уже ясно, что большинство меньшевиков и социалистов-революционеров было против образования Временного правительства из представителей большинства Совета. Вечером этого дня я должен был ехать в П. К. на собрание активных работников партии, где был поставлен мой доклад. Но прежде, чем отправиться туда, я решил переговорить с Чхеидзе и Гриневичем о том, как официально, как члены партии, решили они вопрос о власти.

Член Исп. Комитета Гриневич был представителем левой части Инициативной Группы. Из беседы с ним мне удалось установить, что Инициативная Группа высказывается против вхождения в состав буржуазного правительства, считая подобное вступление изменой принципам революционной социал-демократии. Она была также против того, чтобы взять власть силами одной революционной демократии. Гриневич, Скобелев и Чхеидзе были против того, чтобы их партия в коалиции с социалистами-революционерами взяла власть в свои руки.

Когда в беседе с Н. С. Чхеидзе я указал на то, что считаю крупной ошибкой передачу власти в руки буржуазной Думы, что она не способна выполнить требования революции, то получил в ответ, что революционная демократия будет подталкивать ее. Один только вопрос о взятии власти силами самой революционной демократии пугал представителей меньшевиков. После разговоров с различными представителями „революционной демократии“, у меня получалось такое впечатление, что как будто наша революционная победа была для этих групп большой неприятностью, которую нужно не развивать и завершать, а как можно скорее ликвидировать, свести к буржуазной законности и порядку.

Н. С. Чхеидзе принес из Комитета Г. Думы сообщение, что, без вхождения представителей левых партий, последний составить правительство не может. Наши государственные мужи Н. Суханов. Ю. Стеклов, Гриневич и т. д.—были смущены. Министерский кризис создавался раньше, чем

образовался самый кабинет министров. Только среди оборонческих элементов было некоторое ликование: они надеялись, что упорство буржуазии поможет им осуществить желанную коалицию.

Перед поездкой на собрание в Биржу Труда (первое помещение Выборгского Комитета), мы договорились с В. Молотовым и П. Залуцким относительно общей линии, которую они должны были от имени Бюро Ц. К. нашей партии проводить на заседании Исп. Комитета. Разногласий по вопросу о составе власти и ее задачах в нашей среде не было. Мы предлагали Исп. Комитету составить Временное Революционное Правительство из рядов тех партий, которые входили в Совет того времени. Его программой должно быть осуществление минимальных требований программ обеих социалистических партий, а также решение вопроса о прекращении войны. Мы соглашались с меньшевиками в том, что переживаем момент революционной ломки феодальных крепостнических отношений, что на смену им идут всяческие „свободы", свойственные буржуазным отношениям. Разногласия у нас были не в том, что мы ставили непосредственной задачей нашей революции немедленное осуществление социализма, а они были бы против. Так вопрос не стоял. Мы, большевики, не были „максималистами". Мы отказывались понимать буржуазный характер нашей революции в том вульгарно-урезанном виде, как хотели того другие. Мы считали вредными надежды меньшевиков и большинства социалистов-революционеров на проведение через буржуазию и ее руками революционных требований рабочих и крестьян. Для развития пролетарского движения было далеко небезразлично в какой мере произойдет революционная ломка крепостнических отношений. Правые круги социалистических партий того времени надеялись достичь максимального (в пределах „буржуазных" отношений) размаха революционной ломки путем „постоянного и неуклонного давления на буржуазию и подталкивания ее влево".

Эту тактику мы считали ошибочной и указывали и доказывали на примерах даже убогого прошлого в нашей стране, как обманчивы надежды на реальное достижение путем „подталкивания" буржуазии.

Вопрос о власти на пленуме Совета.

Когда я вернулся с Выборгской стороны, на пленарном заседании уже шли прения по докладу Исп. Комитета о результатах переговоров с Временным Комитетом Гос. Думы о составе и программе Временного правительства. Докладчик комиссии, ходивший на переговоры (кажется, Ю. Стеклов), изложил Совету взгляд Исп. Комитета на вопрос о создании власти, а равно и мотивы, по которым Исп. Комитет отказался от участия во Временном Правительстве. В заключение была оглашена следующая програма новой власти, выработанная на совместных совещаниях членов Исполнительного Комитета с членами комитета Государственной Думы.

1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим, религиозным, террористическим покушениям, военным восстаниям и т. п.

2) Политическая свобода во всех формах: свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек. Свободы эти должны быть распространены и на военнослужащих на действительной военной службе.

3) При сохранении строгой воинской дисциплины в строю устранение для солдат всех ограничений в пользовании всеми общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам России [1]).

4) Организация народной милиции для несения службы по охране порядка с подчинением ее местным самоуправлениям, избранным на основах всеобщего, равного и тайного голосования.

5) Отмена всех сословных, национальных и религиозных ограничений.

6) Гарнизон Петрограда остается в городе и не разоружается.

Все эти требования были приняты думским комитетом единогласно.

Отвергнут был вопрос о немедленном введении демократической республики, так как форма управления Российским

---

[1]) Исполнительный Комитет предлагал указать в пункте 3, что армия должна быть реорганизована на началах самоуправления, но думский комитет считал невозможным в момент войны вводить в войсках порядок не испробованный ни в одной армии мира и в результате согласился на ту формулировку, которая нами приводится.

Государством должна быть установлена Учредительным Собранием, созыв которого является ближайшей целью учреждаемого Временного Правительства.

После докладчика на трибуне появился А. Ф. Керенский, которому было дано слово для внеочередного заявления. Речь его носила довольно сумбурный характер, с истерическими взываниями о доверии, о готовности умереть, а предложение свелось к просьбе утвердить его решение принять на себя пост министра юстиции. Этот фарс вызвал у многих глубокое возмущение и отвращение к А. Ф. Керенскому, но большинство Совета, мало искушенное в политике, покрыло его речь аплодисментами и этим утвердило его в качестве представителя „революционной демократии“ во Временном Правительстве.

Во время открывшихся по вопросу о власти прений, появились три точки зрения. Позиция большинства Исполнительного Комитета, не участие во Временном Правительстве и непринятие власти на себя, — эта позиция была центром. Позиция слева была нашей. Мы отрицали всякую возможность контакта с Комитетом Гос. Думы и требовали создания Временного Революционного Правительства Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Справа выдвигали принцип коалиции или, как говорили тогда, посылки представителей во Временное Правительство, для сотрудничества с буржуазией.

В опубликованном протоколе заседания Совета Рабочих и Солдатских Депутатов от 2 марта, в котором занесены решения Совета по докладу Исп. Комитета, очень путанно сказано относительно имевших место прений. Существа прений, хотя бы в отдельных выдержках совершенно нет. Протокол указывает только некоторые имена участников прений: Петров, Молотов, Демьянов, Конторович, Дюбуа, Павлович, Иванович, Заславский, Орлов, Борисов, Грибков, Смирнов, Павленков, Петревиц, Юренев, Воронков, Беленин, Анин, Ионасов и представитель литовских организаций Жуков, Ерманский, Пометов и некоторые другие.

Наши выступавшие товарищи начали свои речи с критики той программы, которая легла в основу соглашения с Комитетом Думы о составе Временного Правительства. Особенно настойчиво указывали на отсутствие в программе отношения к войне и ни одного слова не сказано о земле крестьянам. Эти указания встречались аплодисментами депутатов. Упущен

был и вопрос о 8-часовом рабочем дне. Все последующие ораторы выступали против нас. Не смея оспорить основательность наших программных требований, они козыряли Учредительным Собранием, которое должно решать все эти важные вопросы.

После прений были поставлены на голосование все предложения Исполнительного Комитета и, как идущее против этих предложений по существу вопроса о власти, наше предложение о создании власти Советов. Предложение о коалиции на голосование не ставилось. Из всех присутствующих в обеих комнатах, вероятно, человек до 400, за наше предложение голосовали всего 19 человек. Многие из членов нашей партии, члены Совета, поддались тому враждебному настроению, которое было создано речами противников против нас, и не только не голосовали за наше предложение, зачитанное товарищем Демьяновым (К. И. Шутко), но даже голосовали против нас, как мы тогда видели (случай с В. Ивановым). В нашей фракции в те дни было уже человек сорок. Если допустить, что некоторые не могли попасть на это собрание, то и тогда число политически „убоявшихся“ было значительно. После голосования основных предложений Исп. Комитета, были приняты еще следующие дополнения:

„1) Временное Правительство оговаривает, что все намеченные мероприятия будут проводиться, несмотря на военное положение.

2) Манифест Временного Правительства должен быть одновременно за подписью М. Родзянко и Временного Правительства.

3) Включить в программу Временного Правительства пункт о предоставлении всем национальностям прав национального и культурного самоопределения.

4) Образовать наблюдательный комитет за действиями Временного Правительства из состава Совета Солдатских и Рабочих Представителей“.

Таким образом решался и разрешился вопрос о власти. Наше предложение о составе власти, а также программные дополнения по вопросам о войне, о земле, и о 8-часовом рабочем дне было отвергнуто и не просто отвергнуто, а с мотивами, как „опасное“, могущее повести к краху революции. Однако такое отношение к нам не обезкуражило нас, членов Бюро Центрального Комитета. Мы боялись лишь одного —

дезорганизации наших собственных рядов, благодаря чрезвычайно тяжелой атмосфере, которая создавалась против нас. Поведение некоторых товарищей, вроде В. Иванова, голосовавшего против предложения представителя Петербургского Комитета, нас очень обеспокоило.

В этот день начались аресты провокаторов, в том числе М. Черномазова, В. Шурканова, „бывших" большевиков. Все эти случаи муссировались в кулуарах Гос. Думы, враги пользовались этими провокаторами для того, чтобы бросить тень на всю нашу партию.

Весь вечер в Екатерининском зале Таврического дворца происходили митинги, на которых выступали члены Временного Правительства и лидеры большинства Исп. Комитета. Керенский много говорил о своих намерениях и просил у солдат содействия, в то же время предупреждал их о том, чтобы они не слушали „призывов, исходящих от агентов старой власти. *Слушайтесь* ваших офицеров". Этот кивок был направлен против авторов известного обращения к солдатам, конфискованного в этот день.

Выступавший Чхеидзе назвал эту прокламацию прямо провокаторской. Впоследствии, по настойчивому требованию т.т. Юренева и Александровича он был вынужден опровергнуть свое обвинение, заявив, что имел в виду другие прокламации.

После заседания Совета мы, члены Бюро Ц. К. и некоторые члены Петербургского Комитета, устроили краткое совещание по вопросу об отношении к решению Совета, а также и по вопросу об отношении к тому Временному Правительству, которое с этого дня начинало управлять страной. Не помню точно место, где было это небольшое заседание, но хорошо запомнил те мысли, которые были высказаны там. Линия Бюро Ц. К. после решения Совета оставалась прежней: вести агитацию за создание Революционного Правительства, единственно способного вести страну по пути революционного преобразования всех учреждений, повести страну к миру, вырешить рабочий и крестьянский вопрос. Очень хорошо помню, как К. И. Шутко выступил в развитие нашей позиции, но довел ее до необходимости немедленной агитации за вооруженное выступление против Временного Правительства. Но он тогда оказался одиноким. Соотношение сил не позволяло ставить вопрос в плоскость борьбы с оружием в руках. У Временного

Правительства тогда оружия было куда больше, чем у нас. Не было никакой нужды форсировать события, бросаться в явно невыгодную авантюру. В то же время появились и другие взгляды, примирявшиеся с решением Совета, предостерегавшие от опасности слишком уйти от Совета. Члены Петербургского Комитета нашей партии решили созвать Комитет на 3 марта и посвятить заседание вопросу об отношении к Временному Правительству. На этом и разошлись. Участвовали К. И. Шутко, В. Молотов, П. Залуцкий, В. Шмидт, А. Шляпников и, кажется, В. Залежский и К. Лебедев.

ЦЕНА 40 КОП.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободной Академии 5. Тел. 10—07.

Москва, Петровские линии 1/20. Тел. 3—01—99.